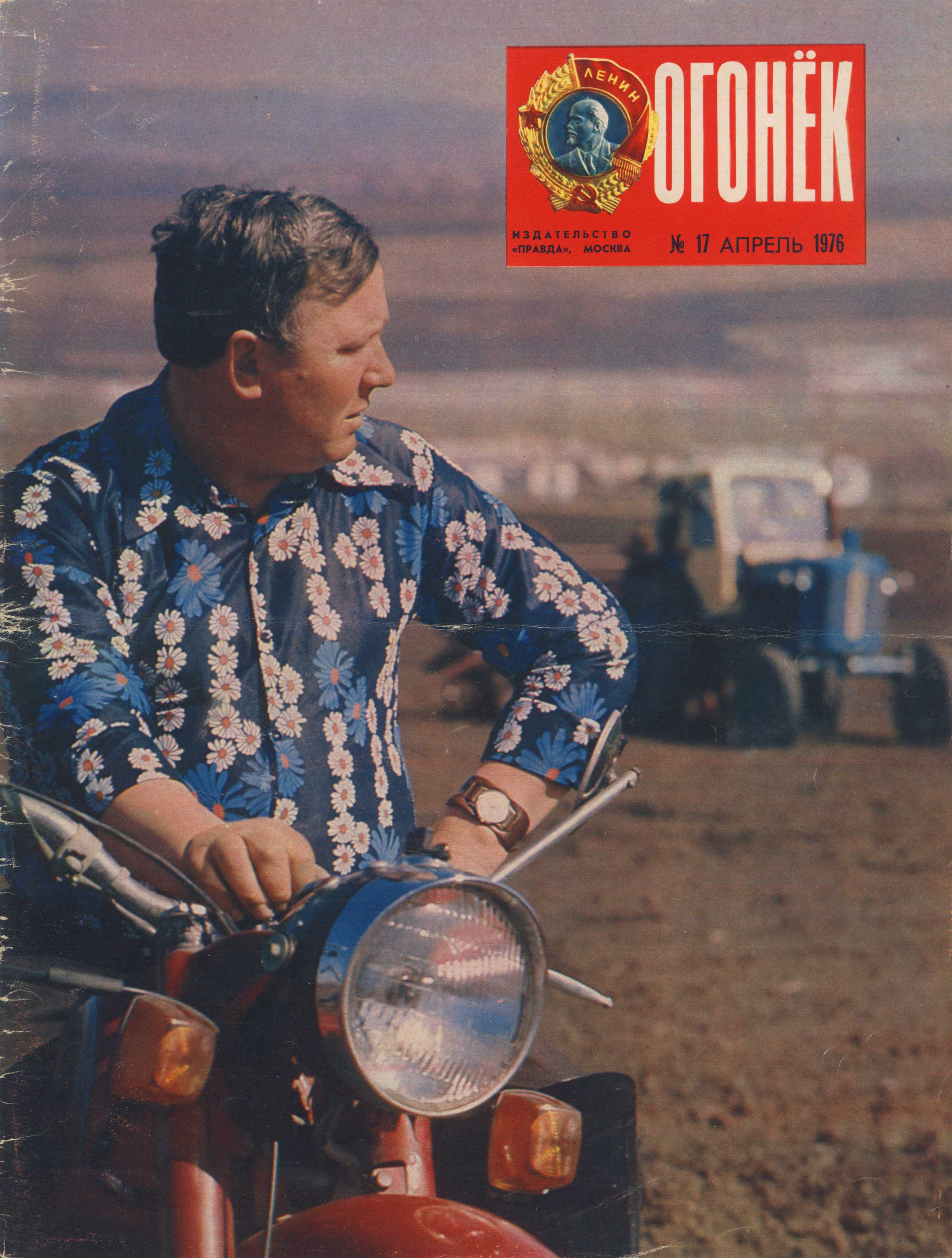

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 17 АПРЕЛЬ 1976

На сборочном участке столичного завода «Изолятор» изготовляли продукцию для электрификации Байкало-Амурской магистрали.

В НАШ ОБЩИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (2546)

24 АПРЕЛЯ 1976

По-ударному! Коллектив мотоциклетного завода в Киеве выпустил 80 мотоциклов и множество запасных частей.

Фото А. Поддубного (ТАСС).

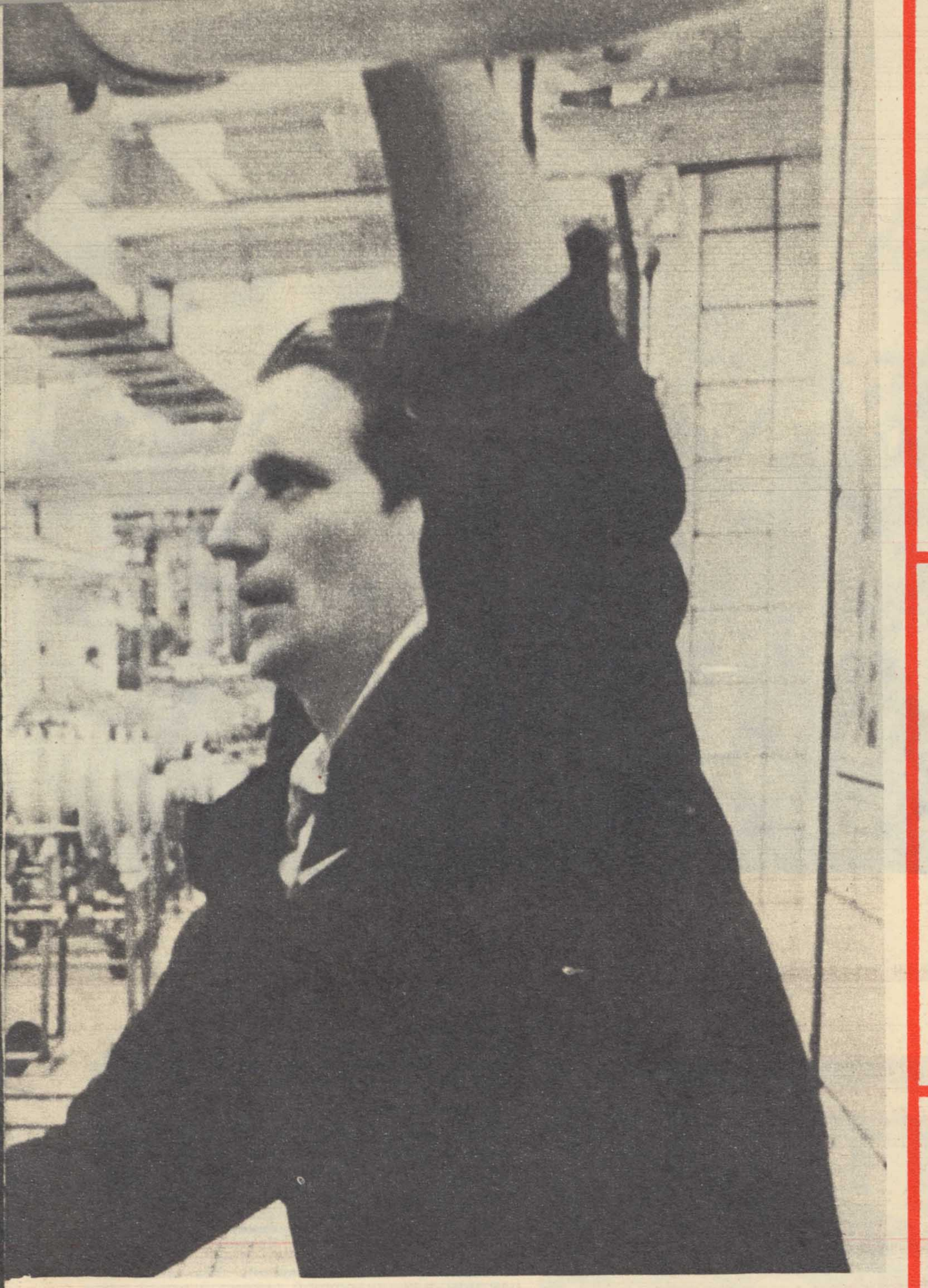

Фото Э. Эттингера.

ФОНД

Так в Первомайске, Николаевской области, шли на субботник.

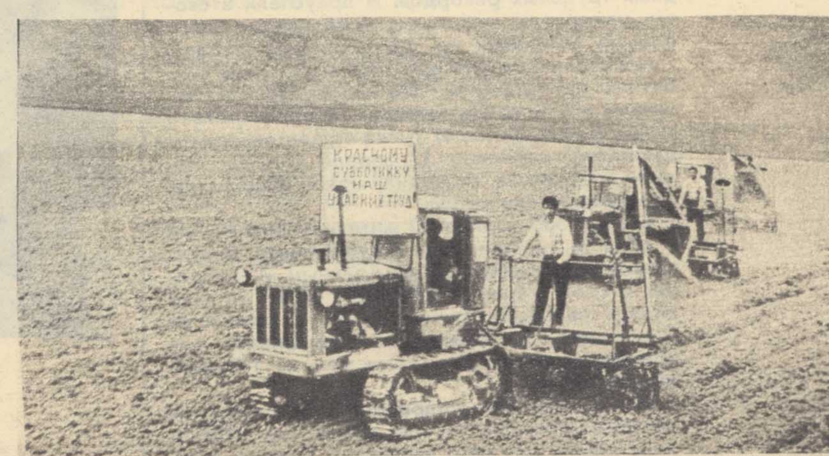
Фото А. Награльяна.

Этот локомотив отремонтирован 17 апреля в депо Москва-Сортировочная. Машинист Юрий Сорокин (в центре) поведет эшелон с грузами для строителей БАМа.

Фото В. Мастюкова (ТАСС).

Посевная завершена,— рапортовали в красную субботу кукурузоводы колхоза имени Шаумяна, Исмаиллинского района Азербайджана.

Фото А. Тавакалова (ТАСС).

Идет «Молния» по рукам владивостокских докеров из бригады Николая Чемешева. А всего в дальневосточном морском торговом порту работало более 50 бригад докеров, и в фонд пятилетки они перечислили 15 тысяч рублей.

Фото Ю. Муравина (ТАСС).

Вот он и настал, этот день: 17 апреля, первый коммунистический субботник десятой пятилетки. Его девиз: «Производительность наивысшая, качество отличное!».

Красной субботой зовет советский народ свой праздник труда. Все города и села ныне и впрямь цвели кумачом: красные знамена и транспаранты, алые косынки и банты рабочих. Разными делами были заняты участники суб-

ботника: производили станки и приборы, строили дома и засевали поля, сажали деревья в парках и прокладывали дороги. Но все работали от души, зная, что их безвозмездный труд — дело государственное, столь же необходимое всей стране, как и каждому из нас.

В Москве, над Соколиной горой, поутру разнесся паровозный гудок. Это был сигнал к началу работы в локомотивном депо Москва-Сортировочная. И в то же время гудок символизировал для всей страны начало праздника труда, посвященного 106-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Ведь это депо — родина великого почина, здесь состоялся самый первый в Республике Советов субботник, а месяц тому назад коллектив депо по традиции выступил инициатором субботника нынешнего.

Большую задачу поставили перед собой труженики столичного автозавода имени Ленинского комсомола: решили сделать 17 апреля днем трудовых рекордов. И преуспели в своем намерении, изготовив продукции много больше обычного: на 1,6 миллиона рублей.

А в столичном университете в этот день субботник продолжался. Да, продолжался: тут начали его в конце марта, а закончат только в начале мая. Более 47 тысяч студентов, преподавателей, служащих 17 апреля убирали стадион в Лужниках, возводили новое общежитие, благоустраивали улицы.

Свыше 3,6 миллиона жителей Ленинграда и области участвовали в субботнике. И это только по предварительным данным. А в городах и селах Украины трудилось более 28 миллионов человек. Причем десять с половиной миллионов — на своих рабочих местах: они произвели продукции свыше чем на 130 миллионов рублей.

И вот интересная подробность: на Львовском инструментальном заводе задолго до субботника завели для него «копилку». Каждый вкладывал сюда что мог — сбереженный металл, топливо, электроэнергию. Запаса хватило с лихвой, в праздник труда завод выполнил полуторную норму.

Отовсюду спешили вести о больших трудовых успехах, достигнутых 17 апреля. Ткачиха хлопчатобумажного комбината в Ярцеве, Смоленской области, М. Н. Шумилина выступила инициатором соревнования «Десятую пятилетку — за два с половиной года». А во время субботника доказала, что для нее самой это вполне выполнимо. Обслуживая 12 ткацких станков вместо шести, полагающихся по норме, она выпустила за день столько высокосортной ткани, что ее хватит на шесть с половиной тысяч полотенец.

В этот день рабочие «Тюменьстройпути» начали укладку путей новой железной дороги Сургут — Уренгой. Только в одном цехе ереванского объединения «Армэлектросвет» четыре бригады досрочно рапортовали о выполнении четырехмесячного задания. В плотину Нурекской ГЭС уложили 30 тысяч кубометров породы. Завершили сев хлопчатника хозяйства Азербайджана. Свекловоды Кантского района Киргизии отсеялись первыми в республике. В Новоаненском районе Молдавии на 100 гектаров расширена площадь недавно заложенного сада.

Общегородской коммунистический субботник проводился и в Старом Осколе, Белгородской области. Здесь трудились заодно со своими советскими друзьями болгарские строители, сооружающие новые объекты Курской магнитной аномалии. Все они превысили нормы и заявили, что ударным трудом отвечают на решения XXV съезда КПСС и XI съезда Болгарской коммунистической партии.

Субботник стал днем наивысших производственных достижений для коллектива шахтоуправления имени Димитрова комбината «Чиатурмарганец». Здесь выпущено 700 тонн товарной продукции. А все заработанные деньги — 3700 рублей — перечислены в фонд пятилетки.

Точно так же поступили и остальные участники субботника. Итоги его подведены еще не вполне. Но ясно одно: более 140 миллионов трудящихся работали в этот день безвозмездно, на благо всего народа, перечисляя свой заработок в фонд пятилетки, в наш общий фонд.

на меридианах социализма

ГДР

ВАГОН ДЛЯ БАМА

Недавно в Галле отметили своеобразный юбилей — был изготовлен 15-тысячный вагон для СССР. Первый, совместно спроектированный советскими и немецкими инженерами, выехал из ворот завода 1 мая 1948 года. Теперь ежегодно более 700 вагонов различных модификаций отправляется отсюда в свой первый путь — в Советский Союз.

За три последних года производительность труда на заводе выросла на 44 процента. В реконструированных цехах ежедневно монтируется по 3 вагона. Конструкторы не останавливаются на достигнутом, предлагая все новые и новые усовершенствования. Сейчас специалисты обеих стран разрабатывают наиболее экономичный вариант вагона, рассчитанного на большие перепады температуры. Такие вагоны будут курсировать по Байкало-Амурской магистрали.

На снимке: юбиляр — 15-тысячный вагон для Советского Союза.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

НА ПРОВОДЕ — ПРАГА

Первый телефон в Праге появился в 1882 году. В начале нашего столетия их насчитывалось всего около тысячи. Сейчас, как сообщает журнал «Кветы», по разветвленности телефонной сети — 17 номеров на каждые сто жителей — Чехословакия занимает первое место среди стран — членов СЭВ.

В республике создается система полностью автоматизированной междугородной телефонной связи. Когда она будет завершена, абонент из любого города, деревни сможет соединиться с любым населенным пунктом страны. Сегодня прямую связь имеют более 540 городов и поселков. Строятся новые ретрансляционные станции, которые будут оснащены по последнему слову современной электроники. Крупнейшая в Чехословакии АТС строится в Праге, в районе Ольшаны (на нашем снимке). Она станет и центром международной автоматической телефонной связи, которая сейчас уже установлена с Москвой, Берлином, Белградом, Бухарестом, Варшавой и Софией. Через Прагу пройдут телефонные коммуникации всей Европы.

БОЛГАРИЯ

ОТКРЫВАЯ ТАЙНЫ ЗЕМЛИ

В Болгарии создан Центр науки о Земле, объединивший многие научные учреждения страны. Его цель — комплексное изучение взаимодействия человека с природой, подготовка специалистов в этой области.

Одно из важнейших направлений работ центра — изучение природных ресурсов Болгарии: минеральных, водных, энергетических, агроклиматических. Выпущен географический атлас страны, авторы которого удостоены высшей награды — Димитровской премии. Большое значение для экономики имеют научные данные, касающиеся оптимального размещения сырьевой базы, промышленных фондов, массивов сельскохозяйственных культур.

При участии болгарских ученых сейчас впервые в мировой практике разрабатывается Балканский сейсмический проект. Цель его не только предвидеть, в каком районе Балканского полуострова можно

ПОСЛАНЦЫ ЛАОСА В МОСКВЕ

По приглашению Центрального Комитета КПСС и правительства СССР 20 апреля в Москву с официальным визитом прибыла делегация Народно-революционной партии и правительства Лаосской Народно-Демократической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК НРПЛ, Премьер-Министром ЛНДР Кейсоном Фомвиханом.

На аэродроме делегацию сердечно, по-братски встречали член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

Фото А. Гостева.

ожидать землетрясений в ближайшие десятилетия, но и принять более эффективные меры по предотвращению их последствий. Проведено сейсмологическое районирование страны, результаты которого уже сейчас учитываются в планах строительства. В работе центра важное место занимают исследования земной коры, физики атмосферы. Аппаратурой, разработанной болгарскими учеными, при Падуанском университете в Италии оборудована лаборатория для изучения низких слоев ионосферы. Болгарские приборы будут установлены на советских станциях зондирования атмосферы. Участник международной программы «Интеркосмос», Болгария вносит свой вклад в исследование околоземного космического пространства.

На снимке: в лаборатории научно-исследовательского института почвознания.

ПОЛЬША

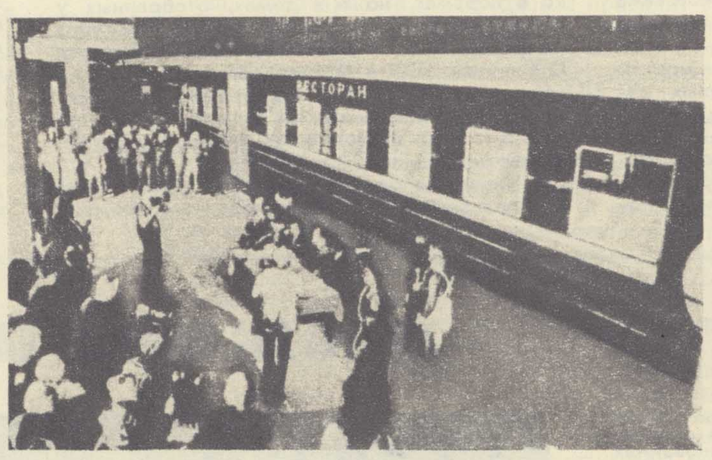
ПРЕМЬЕРА В ЛОДЗИ

В Государственном музыкальном театре в Лодзи состоялась премьера оперы советского композитора Сулеймана Юдакова «Проделки Майсары» (на основе комедии Ниязи). Это первое на польской сцене произведение, знакомящее трудящихся братской страны с культурой узбекского народа. Режиссер спектакля — Чеслав Яросевич, художественный руководитель театра. В постановке приняли участие композитор, специально приглашенный с этой целью в Лодзь, а также народная артистка СССР Галия Измайлова. В день премьеры советских гостей горячо приветствовала публика.

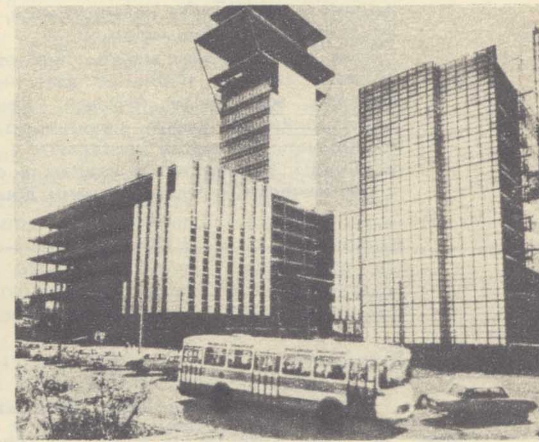
Спектакль прошел с большим успехом.

С. ПОВОЛОЦКИЙ

Фото Х. Смыла, агентства «София-пресс» и из журналов «Кветы», «НБИ»

ГДР

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

БОЛГАРИЯ

ПОЛЬША

УРУГВАЙ: ЦАРСТВО

Солдаты обыскивают прохожих на улицах Монтевидео.

Фото из газеты «Дейли уорлд»

«Я, офицер уругвайской армии, решил написать это письмо из отвращения ко всему тому, что вижу каждый день и в чем, что еще хуже, вынужден иногда сам принимать участие. Моя жизнь стала невыносимой. Все, что было мне дорого: семья, военная служба, сама родина — сменилось невыносимым, постоянно усиливающимся кошмаром.

Мне приходилось видеть, как офицеры и солдаты зверски избивают заключенных дубинками, железными трубами, женщины это или старики, все равно. Десятки людей прямо из комнаты допросов попадают в тюремные больницы. Варварство и садизм в обращении с политическими заключенными дошли до того, что даже военные врачи принимают участие в пытках... Некоторые офицеры и солдаты настолько ожесточились, что и в выходные дни приходят попрактиковаться в допросах».

...Задержанных избивают и пытают не только в тюрьмах, но и в домах, отобранных у владельцев и приспособленных для ведения допросов. Один из них находится на проспекте О'Хиггинса, 5545, в Монтевидео, и живущие по соседству люди могут подтвердить, что, несмотря на включенное на полную громкость радио, оттуда постоянно доносятся душераздирающие крики.

...Раньше допросы велись офицерами разведывательной службы, но с недавнего времени нас всех обязали принимать в них участие. Похоже, что хотят скомпрометировать всех военных, противопоставить нас народу.

Я знаю, что, посылая это письмо, подвергаю себя огромному риску. Мои сослуживцы сочтут меня предателем, но ничто уже не может остановить меня...»

Долог был путь этого письма, недавно опубликованного на страницах газеты «Унита». Диктаторский режим жестоко подавляет любое проявление недовольства режимом и тщательно следит за тем, чтобы правда о жизни в Уругвае не стала известна мировой общественности. Тем важнее свидетельство одного из тех, кому уготовили роль палача своего народа и кто нашел в себе силы восстать против бесчеловечности режима.

Вот уже три года Уругвай живет под властью реакционной фашистской диктатуры. Государственный переворот 27 июня 1973 года, целью которого было взвалить на плечи рабочего класса и всего народа тяжелейшие последствия экономического кризиса и остановить развитие освободительного движения в стране, развеял миф об Уругвае — «латиноамериканской Швейцарии». Теперь ее называют «царством террора».

После переворота события развивались по уже известной схеме: за роспуском парламента последовало запрещение левых партий и профсоюзов, а затем начались массовые репрессии против политических противников режима. Сотни тысяч человек вынуждены жить в эмиграции. Любой уругваец может быть арестован и без предъявления обвинения брошен в одну из двадцати двух военных тюрем или отправлен в один из пяти концлагерей на любой срок без суда и следствия.

Положение тех, кто осмеливается проявить хотя бы малейшее недовольство правлением фашистской диктатуры, поистине трагично. Арминио Савиоли, журналист из «Униты», свидетельствует, что издевательства над политическими противниками режима начинаются с

НЕОЖИДАННОСТИ СО ВСЕХ

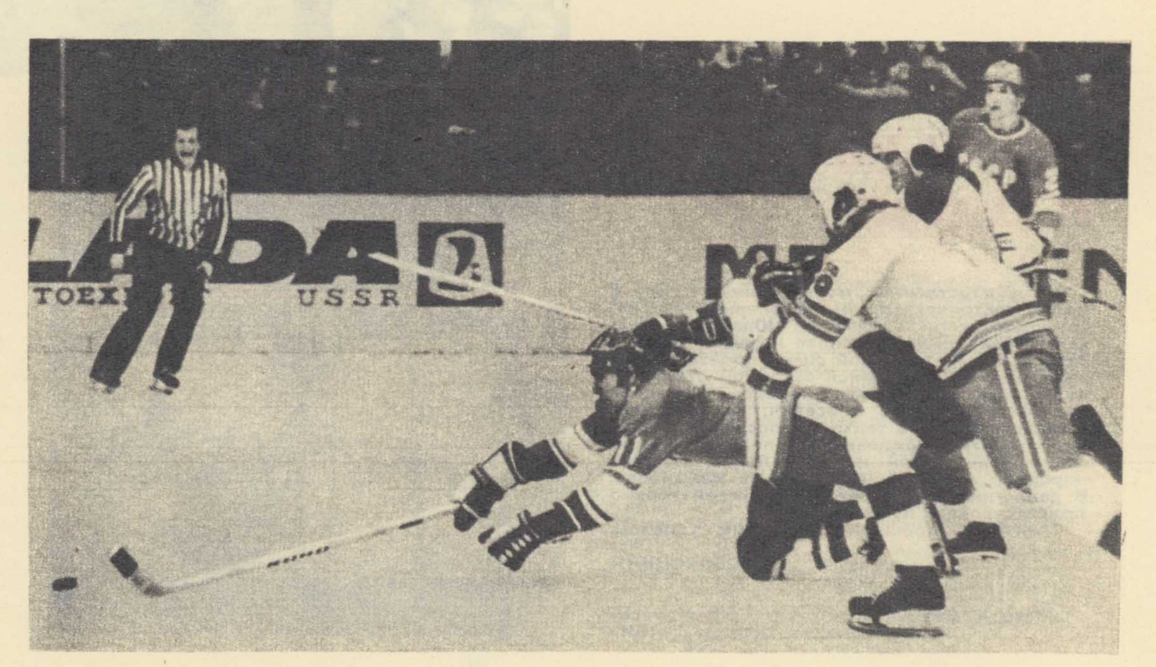
Чемпионата мира и Европы по хоккею с таким большим количеством сюрпризов я не припомню, хотя работаю на подобных соревнованиях в тринадцатый раз.

В день старта хозяева победили советских хоккеистов, многократных чемпионов мира, Европы и Олимпийских игр, со счетом 6 : 4. А ведь на всех предшествующих мировых соревнованиях польская сборная ни разу не сыграла с нашей командой даже вничью. Затем американская сборная, на сей раз усиленная восемью профессионалами, нанесла поражение шведам — 2 : 0. Такого давно уже не удавалось заокеанским хоккеистам. Правда, вскоре они потерпели поражение — 1 : 2 — от команды ГДР, до этого не имевшей ни одного очка.

Заставила поволноваться болельщиков и встреча давних соперников — сборных Чехословакии и Швеции. Хоккеисты обеих команд не использовали множество возможностей для взятия ворот. Но победили в итоге чехословацкие спортсмены — 3 : 1. Неожиданно слабо выступают финны. Они едва свели матч с хозяевами вничью — 3 : 3, проиграли сборной ГДР — 1 : 2.

Не кончились, к сожалению, и сюрпризы, неприятные для нас. Матч со сборной ФРГ, легко выигранный СССР, обернулся роковой победой: Мальцев и Капустин получили такие травмы, что вынуждены были досрочно покинуть Катовице, отправившись на лечение в Москву.

На центральную встречу первого круга с чехословацкой командой мы вышли без этих форвардов, а в первом периоде вынужден был сойти со льда и Шадрин. Олимпийские чемпионы остались с восемью нападающими. Михайлов, Шалимов, Балдерис играли по две смены, а Харламов иной раз и по три. В интересном, напряженном поединке спортивное счастье

Матч СССР — США. Хельмут Балдерис рвется вперед.

Фото ТАСС

ТЕРРОРА

первых минут ареста. Солдаты с автоматами наперевес бесцеремонно врываются в дом очередной жертвы, нахлобучивают на голову арестованного мешок и ударами сапог и прикладов загоняют человека в кузов военной машины. Куда его увозят, родственники заключенного так никогда и не узнают.

Это лишь первый шаг на бесконечном пути унижений и физических страданий, которым подвергаются в тюрьме политические заключенные. Порядки, царящие в застенках Уругвая, по своей бесчеловечности могут быть сравнены с концлагерями фашистской Германии. «В некоторых бараках не разрешается разговаривать, читать, курить, ходить,— рассказывает эмигрировавший в Аргентину сенатор Селмар Мичелини, член запрещенной левой организации Широкий фронт.— Те заключенные, которые не находятся в строгой изоляции, почти всегда ютятся в сараях, старых железнодорожных вагонах, на скорую руку оборудованных решетками, или в убогих камерах шириной в метр и длиной в два метра, где никогда не выключают электрический свет. Большинство узников на полу, на жалкой подстилке из старых газет».

Жизнь в уругвайской тюрьме — это детально продуманная медленная пытка. Садисты в военной форме разрабатывают самые изощренные формы истязаний.

Письмо офицера, которое приведено в начале этого рассказа, заканчивается такими словами: «Я посылаю это письмо в Ватикан, потому что единственное, что давало мне силы выдержать весь ужас моего положения, была вера, что рано или поздно правосудие бога придет и в мою страну».

В Уругвае есть люди, которые подобно этому офицеру уповают на бога... Но можно не сомневаться, что совершится рано или поздно людское правосудие. Кровавым диктаторам не миновать возмездия, ибо народ этой страны не прекратил борьбу за свою свободу и демократию.

И. ИВАНОВ

СТОРОН

улыбнулось соперникам, победившим с минимальным перевесом — 3:2. И все же наши ребята заслуживают лестной оценки. Особенно следует отметить игру ветеранов — Харламова, Третьяка, Ляпкина, Цыганкова и дебютантов — Балдериса, Короткова, Александра Голикова.

Теперь, видимо, придется кого-то из защитников переквалифицировать в форварда. Тем более, что в свое время в нападении начинал Ляпкин, имеют вкус к атаке Коротков и Васильев. А в общем, думается, надо строже подходить к включению в сборную хоккеистов с не совсем зажившими травмами. Как заметил В. Костка, в недавнем прошлом наставник сборной Чехословакии, которого мы повстречали в Катовице, хороший игрок — здоровый игрок.

Впереди решающие встречи, которые определят чемпиона и назовут двух аутсайдеров, которым предстоит покинуть группу «А», на их место следующей весной придут хоккеисты Румынии, которые впервые выиграли турнир в группе «Б», и канадские профессионалы.

Руководители канадско-американской профессиональной лиги НХЛ подтвердили председателю Международной лиги хоккея на льду Г. Собецкому, что пришлют в Вену в 1977 году сборную из элиты канадского профессионального хоккея. Команду, составленную целиком из профессионалов, собираются направить на чемпионат мира и американцы, у которых имеется 55 хоккеистов, выступающих в клубах высших профессиональных лиг НХЛ и ВХА. Международная лига хоккея на льду пошла навстречу канадцам и американцам, назначив сроки чемпионата мира 1977 года ориентировочно с 26 апреля по 8 мая.

В. ДВОРЦОВ,
корреспондент ТАСС.
Специально для «Огонька»

Катовице, по телефону.

РАЗРЯДКЕ НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ!

Владимир НИКОЛАЕВ

На XXV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Одним из главных направлений внешнеполитической деятельности ЦК КПСС и Советского правительства была и остается — как этого и требовала Программа мира — **борьба за прекращение гонки вооружений, за разоружение.** Сегодня эта задача стоит острее, чем когда-либо. Человечество устало жить, сидя на горах оружия, а подхлестываемая агрессивными кругами империализма гонка вооружений нарастает».

Как говорят, факты — упрямая вещь. Вот они: европейские государства — члены НАТО за десять лет, с 1965 года, увеличили свои военные расходы с 23 миллиардов долларов до 41, а США — с 53 до 91 миллиарда долларов. По новому американскому бюджету Пентагон затребовал 113 миллиардов долларов. «Чем дольше Соединенные Штаты пребывают в состоянии мира, тем больше они тратят на войну. Бюджет Пентагона сегодня — в то время, когда Америка не ведет войну и никто не угрожает ей войной,— значительно больше, чем он был в разгар вьетнамского конфликта. Более того, облегчения не предвидится»,— констатирует газета «Вашингтон пост». Военно-промышленный комплекс США подводит под такие затраты на вооружение «теоретический» базис, пытаясь запугать американцев «советской опасностью», пытаясь доказать, что разрядка напряженности выгодна, мол, только Советскому Союзу. Эти набившие оскомину вымыслы времен «холодной войны» все еще в ходу на рынке буржуазной дезинформации. Милитаристов и их подпевал приводит в ярость веление времени подкрепить политическую разрядку военной. Потому и не случайны затруднения на переговорах в Вене о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, на советско-американских переговорах в Женеве о новом соглашении по ограничению стратегических вооружений.

И тем не менее разрядка уже обрела материальную силу. Основы взаимоотношений между СССР и США, Соглашение о предотвращении ядерной войны, Заключительный акт общеевропейского совещания и другие важные международные документы последних лет, проводимые сегодня в жизнь, свидетельствуют о том, что процесс разрядки может и должен стать необратимым. На днях в Москве завершились советско-американские переговоры по подготовке текста соглашения относительно подземных ядерных взрывов в мирных целях, а в Вашингтоне комиссия по иностранным делам сената США одобрила проект резолюции «О важности разумных отношений с Советским Союзом». В резолюции подчеркивается, что ослабление международной напряженности должно быть основной целью внешней политики США.

Сам ход обсуждения проекта резолюции «О важности разумных отношений с Советским Союзом» еще и еще раз выявил противоборствующие силы, отражающие мнения сторонников и врагов разрядки. Консервативно настроенные сенаторы Б. Голдуотер, Дж. Бакли, С. Тёрмонд и другие пытались помешать принятию резолюции, продолжая гнуть свою постоянную линию на срыв разрядки. В то же время реально мыслящие законодатели выступают против возрождения атмосферы «холодной войны». Так, сенаторы Э. Кеннеди, Г. Хэмфри и Дж. Джавитс выступили с предложением наложить мораторий на испытание так называемых крылатых ракет. Как известно, возникший вокруг этих ракет вопрос используется военно-промышленным комплексом США для торможения советско-американских переговоров по дальнейшему ограничению стратегических вооружений.

Советско-американские отношения, разрядка напряженности — эти проблемы являются сегодня одними из самых главных во время развернувшейся в США предвыборной кампании. Показательно, что в ходе первичных выборов такие враги разрядки, как Рейган и Уоллес, терпят поражение за поражением. «Я думаю, что любой кандидат, который призывает отказаться от разрядки, в конечном счете потерпит неудачу»,— заявил президент США Форд в своем интервью, выражая тем самым настроение большинства избирателей.

Да, в США весьма влиятельные силы пытаются скомпрометировать разрядку напряженности, ухудшить советско-американские отношения. Но процесс разрядки уже стал одной из движущих сил современности, она как воздух нужна людям, всей нашей планете. Человечество действительно устало жить рядом с горами оружия чудовищной смертоносной силы, которое скопилось сегодня на Земле. Разрядке нет альтернативы!

В Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС указывалось, что поворот к лучшему в советско-американских отношениях имел решающее значение для ослабления угрозы мировой войны. От дальнейшего развития этих отношений зависит судьба всего процесса разрядки. Со своей стороны, Советский Союз, как говорил товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде партии, «намерен терпеливо и последовательно искать все новые и новые пути развития мирного взаимовыгодного сотрудничества государств с различным общественным строем, пути к разоружению».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

1

«За сохранение нашей работы!» — под этим лозунгом на демонстрацию вышли более четырех тысяч сталеваров завода «Штальверке» на юге Вестфалии (ФРГ), когда им стало известно, что концерн Круппа планирует сокращение почти тысячи рабочих.

2

Из-за попустительства властей, не принимающих меры для обуздания расистов, в Бостоне уже не один месяц сохраняется напряженное положение. Недавно в центре города состоялось новое шумное сборище сторонников расовой дискриминации. Расисты устроили на улицах города настоящую охоту за бостонцами с темным цветом кожи.

3

Восемь лет назад, в апреле 1968 года, в Мемфисе (штат Теннесси) раздался выстрел, оборвавший жизнь выдающегося борца в защиту гражданских прав и социальных прав негров Мартина Лютера Кинга. В день годовщины гибели Кинга в Атланте (штат Джорджия); где он похоронен, в десятках других городов страны прошли демонстрации и митинги, посвященные его памяти. На снимке: вдова Кинга Коретта Кинг с детьми на митинге в Атланте.

4

Традиционный китайский праздник «цинмин», служивший в старину для поминовения предков, вылился в крупные столкновения на улицах Пекина. Длинные колонны людей с венками и портретами Чжоу Энь-лая устремились к монументу героям революции на площади Тяньаньмэнь. Пекинская пропаганда впервые была вынуждена признать факт массового выступления трудящихся против маоистской политики. Пекинским лидерам пришлось поспешно объявить о перестановках на высших этажах власти. Пост премьера Госсовета занял ставший одновременно первым заместителем председателя ЦК КПК Хуа Го-фэн. По мнению иностранных наблюдателей, события в Пекине свидетельствуют о том, что борьба за власть в маоистском руководстве приобретает в Китае все более открытые формы. На снимке: манифестация на площади Тяньаньмэнь.

5

Группа профсоюзных активистов Японии завершила 600-километровый марш «За снижение налогов, улучшение условий жизни». Участники похода доставили в Токио из Осаки петицию с требованием к правительству снизить налоги с трудящихся, которую подписало около миллиона жителей Японских островов.

6

Из тюрьмы в испанском городе Сеговия, в 65 километрах к северу от Мадрида, совершили побег 29 политических заключенных. По сообщению испанских газет, большинство из них принадлежит к объединенной социалистической партии Каталонии и баскской организации ЭТА. На снимке вверху: канализационная труба, через которую был совершен побег; внизу: тюрьма в городе Сеговия.

7

Неизвестная ранее работа выдающегося голландского живописца XVII века Рембрандта обнаружена в одной из частных коллекций в Утрехте. Написанная в 1626 году картина «Крещение Камерлинга» считалась прежде произведением Питера Ластмана — учителя Рембрандта. Однако группа ученых, занимающихся исследованием творчества великого художника, установила, что она принадлежит кисти двадцатилетнего Рембрандта.

Фото АП — ЮПИ — ТАСС.

FÜR DIE ERH
UNSERER ARBE

1

3

2

4

5

6

7

ВО ИМЯ УКРЕПЛЕНИЯ ДРУЖБЫ

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал Института востоковедения и Института Африки АН СССР «Азия и Африка сегодня» пользуется заслуженной популярностью среди самых широких масс читателей не только в нашей стране, но и за ее пределами. Интерес, проявляемый к этому изданию за рубежом, закономерен: ведь журнал освещает обширный круг проблем, стоящих перед странами двух великих континентов. На его страницах находят отражение успехи, достигнутые в осуществлении советской Программы мира, оказывающие позитивное влияние и на обстановку в Азии и Африке. По многочисленным просьбам зарубежных читателей популярный советский журнал выходит теперь также на английском и французском языках. В приветственном слове к ним известный советский поэт и общественный деятель Мирзо Турсун-заде выражает уверенность в том, что «Азия и Африка сегодня» будет и впредь эффективно содействовать укреплению дружбы и сотрудничества между СССР и афро-азиатскими странами.

КАРТИНЫ Б. ЩЕРБАКОВА В ЯПОНИИ

В хорошо известной жителям японской столицы картинной галерее «Геккосо» с 12 марта оживленно: здесь открылась выставка советского живописца, лауреата Государственной премии СССР, члена-корреспондента Академии художеств СССР Бориса Валентиновича Щербакова. На выставке представлено 30 пейзажей Щербакова из его цикла «Ясная Поляна». Пейзажам предпослан портрет Л. Н. Толстого. В апреле, мае и июне с картинами Бориса Щербакова также познакомятся жители Саппоро, Сендая, Осаки, Нагои, Китакюсю и других городов Японии.

В. ДОМРАЧЕВ (АПН)

Токио.

На выставке картин советского живописца Бориса Щербакова в Токио: устроительница выставки, президент галереи «Геккосо» Иоко Накамура (в центре) и Б. В. Щербаков с группой посетителей.

Фото автора.

твой современник

СОЛНЦЕ ВСТАЕТ ПОЗЖЕ...

В. КАБАНОВ

Даже в самую короткую летнюю ночь солнце встает позже Георгия Булубики. Восход бригадир встречает в поле, где зреет тучный зеленый табачный лист.

Но сейчас весна. Взошла табачная рассада. Доверяет бригадир своим ученикам — звеньевым Ивану и Александру Ютишам, Марии Кожокару, но нелишне и самому убедиться, что температура и влажность в помещениях выдерживаются точно.

Крепко запомнилась Георгию Петровичу весна 1962 года — первого года его бригадирства. Когда ему, счетному работнику, предложили возглавить табаководческий коллектив, в колхозе «Бируинца» не было еще опыта выращивания этой культуры. Булубика засел за специальную литературу...

Основной костяк бригады в то время составляли старики овощеводы, не первый год имеющие дело с рассадой. Георгий начал было давать им указания, но те гнули свою линию: «Ты, бригадир, науку свою оставь при себе. Послушай нас, стариков...»

Булубика послушал, поддался авторитету седовласых, а весной, как сам теперь говорит, «с шапкой ходил по хозяйствам и бригадам, рассаду выпрашивал». В Пырлице ему посчастливилось встретиться с замечательным мастером земледелия, заслуженным агрономом Молдавской ССР Федором Петровичем Кобаном.

— Табак не овощи,— сказал он Булубике.— Эта культура требует ухода совсем другого.

С тех пор минуло четырнадцать лет, теперь уже и сам Георгий Петрович — признанный в республике мастер выращивания табака, но учителя своего не забывает.

В прошлом году бригада Булубики вырастила по 33 центнера сухого листа с каждого из 75 гектаров. Таким урожаем в Унгенском районе никто похвалиться не мог, да и по всей Молдавии считанные бригады достигли такого уровня.

Одно из характерных состояний Булубики — поиск. Член бюро партийной организации колхоза Георгий Петрович на одном из очередных заседаний предложил силами механизаторов хозяйства соорудить пресс для тюковки табачного листа. Дело было новое, заводских прессов еще и в глаза не видели. Члены бюро переглянулись и, естественно, задали вопрос: «А по какому образу и подобию его лепить будут?» И тогда бригадир выложил перед ними собственноручно изготовленный макет агрегата. Пресс до сих пор надежно служит табаководам колхоза.

Сейчас в Тодорештах полным ходом идет строительство сушильного комплекса. Это тоже инициатива Георгия Петровича.

В этом году первая очередь комплекса, рассчитанная на две тысячи тонн сырья, войдет в строй.

Началась новая пятилетка — пришли к бригадиру новые заботы. Главные из них: добиться наибольшей эффективности, отдачи от каждого гектара земли, поднять качество продукции, всей работы табаководов. Человека сведущего непременно поразят напряженные цифры социалистических обязательств бригады. Но под каждую из таких цифр Булубика подводит прочный фундамент.

— Производительность труда,— говорит он,— у нас вырастет за счет того, что в нынешнем году мы отказались от парников и перешли на тепличный способ выращивания рассады. Теперь один табаковод обрабатывает не сто двадцать, а четыреста квадратных метров рассады. Это один из наших резервов. А вот и другой. На комплексе табак будет сушиться плотной массой, в кассетах. Значит, люди будут освобождены от трудоемкого ручного процесса — нанизывания листьев на шнур.

В каждом технологическом процессе, в каждой операции прослеживается творческий поиск бригадира. Осуществив бригадный хозрасчет, добившись высокой рентабельности табаководства, Георгий Петрович мечтает теперь о хозрасчетных звеньях. И не 75, а уже 170 гектаров взял он под свое начало в первом году десятой пятилетки.

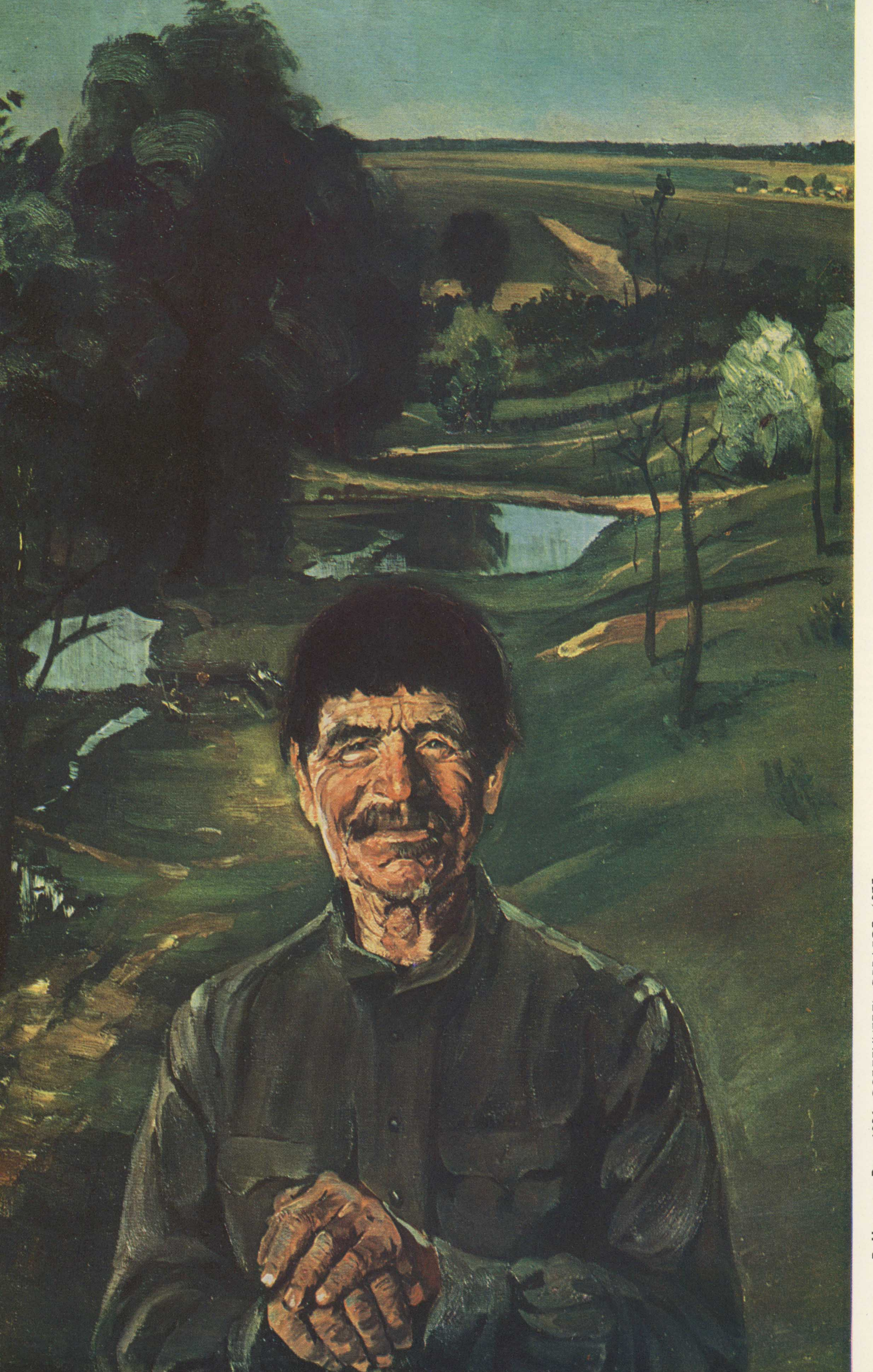
На митинге, когда односельчане чествовали Булубику в связи с присвоением ему за трудовые успехи в девятой пятилетке высокого звания Героя Социалистического Труда, Георгий Петрович сказал:

— Награда обязывает работать еще лучше. Наша цель — полнее использовать резервы.

Заботой об урожае, о процветании родной страны живет на земле ее рачительный хозяин.

О. Ломакин. Род. 1924. БРИГАДА КИРОВСКОГО ЗАВОДА. 1975.

Н. Пластов. Род. 1930. В ОСЕННЕМ ПОЛЕ. 1975.

В. Немцев. Род. 1936. ОЗЕЛЕНИТЕЛЬ ОВРАГОВ. 1975.

МАМА

Мы постоянно говорим о преемственности в труде, науке, искусстве, в спорте, но, на мой взгляд, редко говорим о преемственности в семье. А ведь в жизни это очень важно. Если живет заботами о семье бабушка, такими же почти всегда становятся матери, дочери, внучки. Я убедилась в этом на примере моей мамы. Ей сейчас 75 лет. Она прожила трудную жизнь. С детства нанималась в няньки, работала в поле, а в 18 лет боролась за Советскую власть. Когда эта власть перешла в руки трудового народа, мама оказалась в числе первых организаторов колхозного села. Она не раз была избрана депутатом сельсовета, введена в состав правления колхоза. Больше двадцати лет мама выходила рядом с мужчинами в зимнюю стужу на лед Финского залива испытать удачу рыбака. Почти полвека она обрабатывала не очень плодородные, каменистые земли прибрежья. И умела горячо и искренне радоваться успеху, большому и малому, научилась ценить жизнь. Вот за все это и любят ее сельчане, она уважаемый человек в богатом рыболовецком колхозе «Балтика», Ленинградской области, ее не забывают поздравить с праздником, ей одной из первых увеличили пенсию.

А разве не бывает так, что молодые руководители иногда забывают, что сегодняшнее благополучие не пришло само собой, считают, что не стоит старшее поколение сильно баловать вниманием. Но такое суждение глубоко ошибочно. Если мы хотим, чтобы живущая сейчас молодежь выросла чуткой, знающей цену жизни, мы должны чаще думать и говорить о преемственности поколений, о заслугах и достоинствах старшего поколения, которое вынесло на своих плечах самые первые, самые большие тяготы, связанные со становлением Советской власти. Надо находить место этим людям в песнях, стихах, книгах и фильмах. Они это заслужили, потому что в их судьбах живая история нашей прекрасной свободной Родины.

...Я пишу эти строки и знаю, что в это время мама в Ленинграде держит на руках свою правнучку, шестимесячную Анечку, и с улыбкой встречает с работы внучку — мою дочку.

Зовут нашу бабушку Мария Карповна Елисеева, ее постоянная прописка — д. Кошкино, Ленинградской области, живет она нынче в Ленинграде у внучки, а где будет через год, к кому протянет свои заботливые, добрые руки, трудно сказать. Может, будет в Сланцах, может, в Воркуте, а может, снова в Ленинграде. Знаю одно: будет там, где нужнее всего, и ничто ее не остановит — ни тяжесть прожитых лет, ни боль натруженных рук, ни чьи бы то ни было уговоры об отдыхе.

А. КОНДРАХИНА

Сланцы, Ленинградская область.

ЧАЕПИТИЕ ПО-ГРУЗИНСКИ

Живем мы в далеком чукотском поселке. Поселок наш небольшой, находится за десятки километров от района. Вокруг голые сопки, снег, в общем, как везде в тундре. Здесь, на севере, очень любят пить чай: в пургу и мороз, в весеннюю распутицу и в короткое лето, дома и в дороге. Когда мы прочитали в «Огоньке» материал о Тбилисском Доме чая, мы написали туда письмо. Вскоре получили из Тбилиси не только ответ, но и посылку с чудесным грузинским чаем. Так пять лет назад началась и по сей день продолжается наша дружба с добрыми, отзывчивыми людьми из братской Грузии.

Просим передать благодарность работникам Дома чая и лично директору Тамаре Ноевне Гванцаладзе за их труд, за тепло и щедрость сердца.

Р. СПИЧКО

пос. Нанаваам, Магаданская область.

ДОРОГУ НОВОЙ ТЕХНИКЕ

Дорогая редакция! К вам обращаются механизаторы четвертой бригады колхоза имени Шевченко, Щербиновского района, Краснодарского края. Мы растим хлеб, технические культуры. Мы живем в северной части края, и урожай у нас сильно зависит от погодных условий. Но мы боремся с непогодой, стараясь убрать урожай в срок и с хорошим качеством. Проблема уборки колосовых разрешена с приходом в хозяйство мощных комбайнов «Колос», «Нива». Только вот с уборкой клещевины дело по-прежнему обстоит плохо. В 1969 году хозяйством получен единственный комбайн для уборки клещевины. А прошло семь лет! Этот комбайн не оправдал наших надежд. Он — первого выпуска, и нет к нему запасных частей. Нет ни шестерней, ни коробки передач. А под клещевиной у нас полторы тысячи гектаров! Чтобы вовремя убрать такую площадь, нужна производительная техника. Сельские рационализаторы не сидели сложа руки. Подумав, решили сделать приспособление к списанным комбайнам ВК-4. Таких комбайнов уже сделали двенадцать. Они работают до сих пор, но эффективности в них нет, так как со скоростью уборки выросли и потери.

На совещаниях механизаторов и в районе и на выставке народного хозяйства Краснодарского края мы, рационализаторы-механизаторы, просили, чтобы давали нам комбайны с приспособлениями для уборки именно клещевины или только гороха. Думаем, что на наше письмо откликнутся все механизаторы, возделывающие технические и бобовые культуры. А это наше письмо обсуждено среди всех рационализаторов колхоза.

А. ФИЛИППОВ, механизатор, кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции.
З. ЗАЗИМКО, механик, кавалер ордена Трудового Красного Знамени.
В. КРОТЕНКО, главный инженер.
К. РЕМИЗОВ, общественный корреспондент газеты «Знамя Ленина».

ТЕЛЕЗРИТЕЛИ ЖДУТ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Я всегда с большим интересом читаю статьи в «Огоньке» о театре и кино, музыке и балете, о художниках и картинах. В № 14 журнала напечатана рецензия Т. Троицкой о постановке ТВ «В одном микрорайоне»; приятно, что об этом действительно хорошем спектакле сказаны теплые, верные слова.

Это многоплановая работа: темы, затронутые здесь, актуальны, серьезны и далеко еще не достаточно раскрыты нашими театрами. Поэтому и смотрится «Микрорайон» с неослабевающим интересом. Если же говорить об актерских работах, то они представлены лучшими артистическими силами. Прежде всего великолепен народный артист РСФСР Н. В. Подгорный, но разве только он один! Весь ансамбль действует слаженно, интересно. Особенно удались сцены в кабинете Коробова, в квартире Мосоловых... Конечно, при таком обилии жизненных ситуаций не могло обойтись без некоторых издержек в постановке, о чем дружески сказано в рецензии Т. Троицкой.

Хочется пожелать творческому коллективу удачной работы над последующими сериями спектаклей на тему «В одном микрорайоне».

Мы, телезрители, ждем продолжения.

Е. ГРИГОРЬЕВА

Москва.

по следам наших выступлений

«СПЕЦИАЛИСТЫ ЗАИНТЕРЕСОВАЛИСЬ»

Молодой конструктор из Винницы Олег Андреевич Остапенко («Вездеходы Олега Остапенко», «Огонек» № 4 за 1976 г.) получил множество откликов читателей из разных уголков страны, советы, предложения о помощи, сотрудничестве. В городе ему улучшили условия для работы — предоставили мастерскую в одном из профтехучилищ, где Олег организовал кружок юных конструкторов и уже монтирует с ними железнодорожную дрезину оригинальной конструкции.

Центральное телевидение пригласило Остапенко принять участие в специальной передаче. Недавно у него побывала группа специалистов-экспертов Министерства автомобильной промышленности для изучения конструкций изобретателя.

«КАК И СТО ЛЕТ НАЗАД»

Весть о том, что в селе Соколовка, Крыжопольского района, Винницкой области, хранится рушник, подаренный болгарками сто лет назад русским солдатам, участникам боев на Шипке («Внуки освободителей», «Огонек» № 7 за 1976 г.), дошла к друзьям из Народной Республики Болгарии.

Заместитель главного редактора газеты «Отечествен фронт» Генчо Петрович Бочаров, прибыв в Советский Союз для освещения работы XXV съезда КПСС, посетил Соколовку. Состоялась трогательная встреча с потомками героев Шипки. На митинге дружбы Бочарова (кстати, родившегося возле знаменитой Шипки) приветствовали представители общественности села, внучка и внук русских воинов-освободителей — Мария Петровна Задворная и Иван Стахович Тымчик. Украинские девчата подарили национальный рушник болгарскому другу.

Л. ШАМИС

Винница.

Людмила ШАМЕНКОВА

Незаметное от

ВСХОДЫ

И видно: беззащитно детское
Пушится поле, зеленея.
Над ним и ветер с меньшей резкостью
Летит, растения жалея.
И чудится, недаром горлица
Кружит на высоте блаженства:
Роняя стоны, птичье горлышко
Ласкает всходы, как младенца.
Все бережет ростки зеленые —
Теплом их солнце поит вволю.
Откуда ж эти две рифленые
Дорожки, что изрыли поле?
Шофер какой-то торф увесистый
Возил, дорог не разбирая,
И, развернувшись, въехал, бестия,
На рожь, с землей ее мешая.
Ему бы только вырвать «кровные»,
А травка что — видал он виды!
И только полосы неровные —
Как след невысохшей обиды.

РЕЧКА

Я хочу поверить этой речи,
Кружевной, бесхитростной и дивной.
Отчего же в горле тихой речки
Отголоски песни лебединой?
Я ее движенья не стесняла,
Не давила, берегов не мяла,
А она шумит, не умолкая,
Говорливо камни промывая.
Будто знает, что недолго виться
Ей осталось меж ракит и сосен.
Все труднее по земле струиться:
Обмелела тоненькая, сохнет.
Потому и вьется так и кружит,
Будто в голос плачет, горько тужит,
Нас, людей, жестоко упрекая,
Красотой последней утешая.

●

Как я жила?
Как я могла?
Незрячие глаза несла
Из горькой гари
В сумрак поля,
Кормила душу трав привольем
И ветром
С привкусом овса.
Какой была,
Кому плела
Все ту же нить?
Чего боялась?
Какую боль в себе кляла?
Как долго ей одной держалась?
Теперь на той же полосе,
Где ливень клинья вбил в суглинок,
Проснулся реденький посев,
И он так изумрудно гибок,
И дружно тянутся ростки,
Пленяя свежестью упорной
Не для того, чтоб от тоски
Спасти меня и быть опорой.

И все, чем полнится земля,
Не выглядит сегодня мельче.
Мне кажется, я поняла,
Что поле вольное не фельдшер.
Что хорошо мне в тишине
Без всякой цели и сравненья.
А это значит, что ко мне
Приходит радость исцеленья.

КАЛИНА

Какая картина — калина,
Закатно пылая, горит.
Не знаю, какая причина —
Калина красно говорит.

Колхозник из дальней глубинки
Калину кистями сложил.
К нему подходили. «Кровинки
Руками не трогать»,— твердил.

Какая картина — калина...
Как угли в каленый мороз.
Калина, душа Катерина,
Какой же таишь ты вопрос?

Зачем ты окрасила взгорье,
Где стаями вьются дрозды.
Оборваны капельки крови,
И нет ни обиды, ни мзды.

Какая картина —
Калина...
Я красные гроздья ловлю.
Какая лавина, судьбина,—
За что я калину люблю?

За яркую праздничность ягод,
За то, что с горчинкою сок.
За это горенье, за ярость,—
От гибели на волосок.

ВОРОБЕЙ

Почему воробей в оперенье неброском,
Обитатель застрех и пустых чердаков,
Облетатель дворов, где заборные доски
Так же серы, как весь его бедный покров,
Почему эта птица с пронырливым клювом,
Озорница, простушка, пернатый плебей,
Мне дороже иных обладателей лютней,
Исторгателей трелей и зорь королей?
В этом сером комочке, без ложного вздора,
Промышляющем в поисках пшенной крупы,
Незаметном средь пыли и сточного сора,
Есть веселье воинственно-звонкой трубы.
Посмотрите, как весел, лукав и задирист —
Так и вертится дерзкий волчком заводным.
Он упорен, смекалист, добычлив и жилист,
И, должно быть, недаром за смелость любим.
Симпатичный пострел, заселивший полмира,
Презирающий холод, хотя без галош,
Здравствуй, рьяный свистун, оптимист и задира,
Среди птиц настоящий Гаврош!

РУКОМОЙНИК

Однажды ночью
С головой усталой
Я вышла в сад,
Задумалась про жизнь.
И вдруг тихонько что-то забренчало,
Так рукомойник нежно дребезжит.
Знакомо тренькал стерженек отвесный
(К кому-то прибыл, видно, гость ночной) —
Иных веков, иных звучаний вестник,
А все же незабытый и живой.
Его не заглушили волны моря
И новый шум воздвигнутых плотин.
Он робко пел, с гигантами не споря,
И человек добром ему платил.
Я так люблю вещей напоминанья,
Их ясный голос, а порою стон.
С годами многое меняет очертанья,
А вещи держат верный тон.

●

То, что было сказано,
Передавать не хочется.
То, что было, сглазила
Жизнь, такая склочница.

Отняла, развеяла
Единственное, кровное,
И вышло, что разменяна я,
Вышло, что покорная.

Приняла как должное
Новое свидание.
Нищая, бездомная,
Взяла подаяние.

Лишь бы голос — около,
Лишь бы плечи — теплые,
Лишь бы чашки звонкие —
Две, а не одна.

А вы — «верность вечная»,
А вы — «счастья формула»...
Мне бы кашу гречневую
На тарелки поровну.

УНИФОРМИСТ

Что за фигура —
Смешна и стара.
Стыдно в такие лета унижаться.
Смахивать сор и опилки с ковра,
В ловле жонглерских булав изгибаться.
Что заставляет его мельтешить?
В курточке прыгать, блестя галунами?
Он на мартышку похож временами,
Тягостна эта игривая прыть.
Что за фортуна — завидовать другу
(Вот он под куполом мчится по кругу!),
А самому оставаться в тени,
Слышать «подай» да «тяни».
Вместо ответа — прыжки по арене.
Надо покрепче канат ухватить.
В быстрых движеньях ни признака лени,
Лишь удовольствие делу служить.
Что ж, цирковая судьба нелегка.
Браво, талантливый униформист!
Скромность недаром ценили века.
Вы и без званья — артист!

ЧУГУН

Все знакомые маршруты.
Я химчисткой взвинчена.
Будто тысячью шурупов
К будням я привинчена.

Днем — бумаг нагроможденье,
Канцелярские звонки.
Беготня, волненья, мненья.
Стиль и рифмы далеки.

Так и кажется порою,
Что такая занятость,
Не сумею, не открою
Я над тайной занавес.

Но зато с какой отрадой
В предвечерней тишине
Завиток литой ограды
Смугло улыбнется мне.

«Вот и я, седой, остылый,
Без особой новизны —
Трон для снежной, прихотливой
Белизны».

СМОТРЮ И НЕ УЗНАЮ СЕБЯ

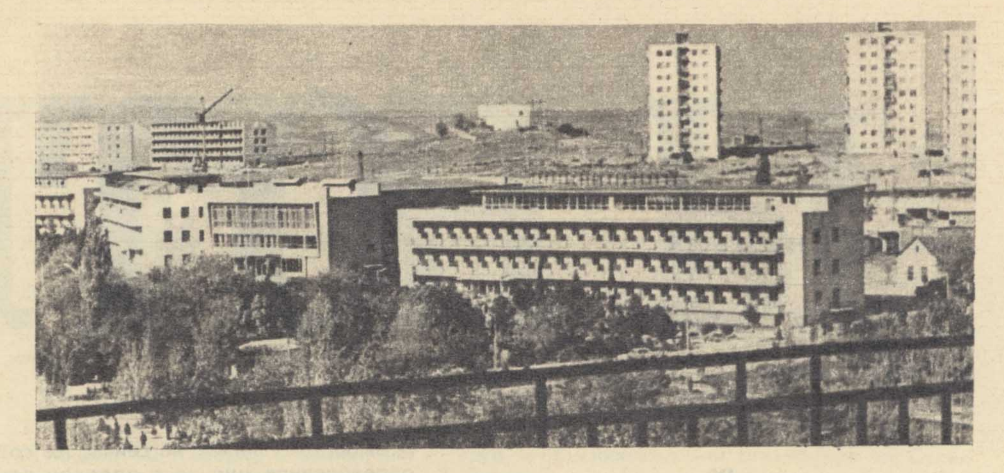
Зеркальный холод отразил
Зрачков дрожащих напряженье

крыть

И скул неровность обнажил —
Примету скудную крушенья.
Дисгармоничен и угрюм,
Перечеркнувший прежний облик,
Как будто страхом новых дум
И новой скованностью облит.
Что может сделаться с лицом!
Оно искромсанс, как оспой,
Бедой непрошеной, концом
И отрицаньем правды плоской.
Нет, не к лицу ему удел
Вмещать итогов шатких вехи.
В нем все — потеря, все — предел,
Презрительно скосивший веки.
В нем — непокорная нужда
В событьях, подводящих к крену,
И голод, острый, как всегда,
По крутизне и переменам.
С таким лицом куда идти?
Оно вопит, а не смягчает
И никому не обещает
Успокоенье принести.

ЛИСТОПАД

Листопад.
Намело возле дома.
Как отчаянно
Желтые листья горят
И хрустят под ногой,
Как сухая солома,
Как сожженные письма,
О давней любви шелестят.
Листопад.
Золотая отрада.
Прицепить бы к деревьям листву,
Как прищепками держат белье.
Где вы нынче,
Сибирские девочки Ида и Ада,
Разлетелись, наверное,
Бросили наше жилье.
Там, под сводами извести,
Смешанной с синькой
(А белили в году
аккуратно по нескольку раз),
Завывала разбитая,
Стертая в доску пластинка
Про осенний, военный,
Про незабываемый вальс.
И под музыку желтую,
Как золотая солома,
Там грустила хозяйка,
В подушку уткнувши лицо,
А потом, неизвестно зачем,
Выходила из дома
Постоять на ветру,
Подмести золотое крыльцо.
Листопад. Золотая отрада.
Сколько вас на Руси,
Безутешных и горестных вдов,
Что одни, без мужей,
Воспитали и Иду и Аду,
Заменив им кормильцев
И сильных отцов.
Я встречала вас там,
Где дороги болотом кончались,
Где давно позабыли,
Как горько дымит самосад,
Где, кляня одиночество,
Верными долгу остались,
Сохранив для людей
Неподкупно доверчивый взгляд.
И невольно, заслышав
Охрипший утесовский голос
Про томительный тот,
Невесомый, задумчивый сон,
Я опять вспоминаю
Несломленной женщины гордость,
Золотой листопад
Отлетевших времен.

ИСЦЕЛЕНИЕ НЕФТЬЮ

АЗЕРБАЙДЖАН

В 45 километрах к востоку от Кировабада в конце прошлого века выросли нефтяные вышки. На этих скважинах стали извлекать из земных глубин нафталан — негорючую нефть, которая используется только в лечебных целях.

Было время, когда нафталан ценился на вес золота. Иностранные дельцы, занявшиеся на заре нашего века изготовлением из целебной азербайджанской нефти различных лекарств, сбывали их по баснословным ценам на рынках разных государств. А потом нафталан дал название бальнеологическому курорту, созданному в годы Советской власти. Гордостью курорта стал музей, в котором собрана необычная коллекция костылей, тросточек, палок. Их оставили тут люди, страдавшие полиартритом.

Об эффективности и широких возможностях нафталановой нефти, о ближайших перспективах популярного курорта рассказывают два небольших интервью.

ПРОФЕССОР А. КУЛИЕВ, заместитель директора Азербайджанского научно-исследовательского института курортологии и физических методов лечения имени С. М. Кирова:

— Нафталан — поистине уникальная и высокоэффективная целебная нефть. Диапазон ее действия непрерывно растет. От лечения заболеваний суставов до исцеления ожогов, обморожений и даже тромбофлебита — вот амплитуда физиологического воздействия чудотворной нефти на человеческий организм. В содружестве с химиками мы задались целью выделить из нафталана наиболее ценные и эффективные фракции нафтеновых углеводородов — главнейшего лечебного компонента этого эликсира здоровья.

М. АББАСОВ, председатель Азербайджанского совета по управлению курортами профсоюзов:

— В 1935 году в Нафталане открылся первый санаторий. Он положил начало рождению курорта, аналога которого до сих пор не знает мировая медицина. Сейчас мы располагаем шестью специализированными санаторными отделениями на тысячу пятьсот мест. Курорт растет вширь и ввысь. Но, к сожалению, потребности в лечении на этом курорте пока еще отстают от его возможностей. В ближайшие годы это положение должно выправиться за счет строительства двух новых комплексов — санаториев, пансионатов, отелей.

Г. ПОГОСОВ,
нештатный корреспондент «Огонька».

На снимке: панорама курорта «Нафталан».

Фото К. Владимирова.

РАДИО-СТОРОЖА ПОГОДЫ

КАЗАХСТАН

В Южном Прибалхашье, где расположены сезонные пастбища для нескольких миллионов голов скота, начал действовать первый в Казахстане «куст» автоматических метеостанций. Они периодически посылают в эфир информацию о направлении и скорости ветра, температуре и влажности воздуха, атмосферном давлении, интенсивности солнечного сияния. Эти сведения помогают безошибочно прогнозировать погоду на ближайшие сутки в пределах Семиречья.

Более сотни таких радиосторожей погоды намечено установить во всех труднодоступных горных и пустынных районах Казахстана. Это заметно скажется на развитии отгонного животноводства. Специалисты республиканского управления гидрометслужбы разрабатывают систему анализа информации с помощью электронно-вычислительных машин.

В столице республики действует радиолокационная метеостанция, «просматривающая» небо в радиусе трехсот километров. Под контролем каждое облако, появляющееся на дальних подступах к Алма-Ате. Особенно высока точность прогнозирования гроз и ливней.

В. ГАНЖА,
В. АФАНАСЬЕВ

ИСТОРИЯ «ЭСПАНЬОЛЫ»

УКРАИНА

Над тамарисками ялтинской набережной высятся мачты и реи парусника. В открытые портики смотрят жерла пушек. Деловито суетятся на палубе загорелые моряки, напоминающие пиратов капитана Флинта. Неужели сейчас грянут пушки и «джентльмены удачи» ринутся на штурм города? Нет, «Эспаньола» ничем не угрожает отдыхающим. С недавних пор она стала достопримечательностью Ялты. Доступ на борт шхуны свободный. А в вестибюлях ялтинских отелей желающим вручают художественно выполненный буклет — «Приглашение на «Эспаньолу».

Шхуна, выстроенная в 1954 году для киносъемок, представляет собой точную копию небольшого военного корабля XVIII века. Несмотря на такое предназначение, судно могло выдержать не только плавание в открытом море, но и шторм. В 1970 году шхуну реставрировали и переоборудовали для съемок фильма «Остров сокровищ» по роману Роберта Луиса Стивенсона. А потом парусник снимали и в других фильмах.

Но корабли стареют, как и люди. Одряхлела и «Эспаньола», выходить на ней даже в кинорейсы стало рискованно, и шхуну приобрело Крымское отделение Интуриста. «Эспаньолу» установили на ялтинской набережной, неподалеку от гостиницы «Ореанда». На борту шхуны открылся бар.

...У трапа гостей встречает швейцар — обликом морской волк. Под стать ему выглядит и капитан-метрдотель. Да и все остальные члены «команды» одеты в костюмы моряков XVIII века. Стены кают-компании украшены чеканными по меди изображениями мореплавателей.

На память о посещении бара-шхуны гостям вручается медаль с силуэтом «Эспаньолы» под всеми парусами на гребне стилизованной морской волны.

Ю. КОТЛЯР

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

Анатолий **АНАНЬЕВ**

ОТЧИМ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

IV

Они еще поговорили о Лукине и Борисенкове, и когда Сухогрудов уходил, Илья Никанорович казался успокоенным; но как только за бывшим первым секретарем райкома закрылась дверь, все прежние опасения вновь как бы всколыхнулись в душе Ильи Никаноровича, и он, машинально прижимая ладонь к боку, где были послеоперационные швы, принялся ходить по комнате. Он думал, что Борисенков непременно сделает пакость, и искал, как остановить его. В прежние годы Илья Никанорович ни за что не позволил бы себе заступиться даже за самого близкого родственника,— так он понимал свою партийную принципиальность. «Всем так всем, а никому так никому»,— просто и определенно говорил он. И теперь он, казалось, радовался только тому, что племянник выходил в первые; но вместе с тем событие это в сознании Ильи Никаноровича постоянно связывалось с теми его домашними делами, которые, постепенно накопившись, начинали уже обременять его и требовали решения. Сын собирался жениться, и надо было отделять его и думать о квартире; и надо было отделять дочерей и пристраивать их и делать еще десятки разных дел для родственников, которых у него, как и у Сухогрудова, было много и которые хотя и не просили, но, ясно было, ждали от него помощи. «Хорошо, что сказал,— думал он, время от времени подходя к окну и останавливаясь перед ним.— Вот в ком если уж нет корысти, так ее и нет». Он приоткрывал створку и наклонялся, чтобы увидеть Сухогрудова, но, кроме беспорядочно движущейся толпы людей по оживленной вечерней улице, ничего не было видно.

Сухогрудов же, выйдя от Ильи Никаноровича, не сразу направился домой; миновав площадь, он вышел к зданию райкома, где давно уже никого не было, и, с минуту постояв перед знакомым крыльцом, той же дорогой через площадь зашагал к дому. Разговор со старым больным другом не оставил в нем какого-то одного определенного чувства, и Лукин и Борисенков не занимали его так, как они занимали Илью Никаноровича; по долголетнему партийному опыту он знал, что если обком утвердил какую-то кандидатуру, тем более на пост первого секретаря райкома, то изменить это решение ни Борисенкову, ни кому-либо другому не удастся. «Досадить могут, не больше»,— полагал он. Но размышления о Лукине и Борисенкове наталкивали его на другие, более грустные мысли, и первым, что тревожило его, был вопрос о Юрии. По той странной и часто необъяснимой причине чем больше теперь Сухогрудов думал о нем, тем сильнее убеждался, что Юрий, несомненно, что-то натворил и что Галина не написала только из гордости. «Вся в этом»,— с обычной и уже не замечавшейся неприязнью к ней, какая с годами накапливалась и утверждалась в душе Сухогрудова, подумал он о Галине. Он несколько раз намеревался поехать к ней, но пока собирался, желание угасало, и разговор о поездке откладывался до следующего письма от нее. «Вся, вся в этом»,— продолжал думать он, морщась от того неприятного чувства, что так и не съездил, ни в чем не помог падчерице. Вторым, что не только тревожило, но и раздражало его, были те давние воспоминания, связанные с Лукиным, когда Галина впервые привела его в дом, и Сухогрудов, лишь несколько минут поговорив с ним, не то чтобы остался доволен встречей и разговором (и выбором Галины), но сейчас же составил то определенное мнение о молодом комсомольском работнике, что он умен, цепок, практичен, может и дом срубить и книгу написать, какое он редко составлял о людях и какое затем крепко держалось в нем; и вместе с тем как он сладковато и глухо радовался сейчас взлету Лукина, с большей, чем когда-либо, и унижающей желчностью думал о Галине. Все прежние слова, какие говорил ей, когда она разводилась с Лукиным, и какими упрекал после, когда вдруг обнаружились первые неприятности с Арсением,— резче и властнее, как будто Галина стояла перед ним,— готов был произнести ей. Есть люди, рассуждал он, которые более обращают внимание на то, кто что сказал, а не на то, кто что сделал; Галину он относил именно к тем, кому важнее было слово, чем дело. «А ты в суть, в корень»,— строжась лицом, повторял он как будто не связанное с тем, что теперь думал о ней, но что было вполне ясно ему и вытекало из давних и болезненно памятных для него поступков падчерицы. Он шагал, не глядя по сторонам, сухощавый, высокий и стройный еще старик, и та энергичная работа мысли, какая происходила в нем, как раз и заставляла держаться прямо и молодила его. Он чувствовал себя, как в былые годы, наполненным жизнью; и хотя жизнь эта была, в сущности, прежние и нерешенные семейные неурядицы, но Сухогрудов был в Мценске, а не в Поляновке, и окружавшая его городская обстановка вызывала в нем именно это разбуженное ощущение деятельности.

Когда он подошел к дому, темнело и в комнатах уже горел свет. По той суетливости, с какою Ксения открыла ему дверь, и притворству, с каким принялась упрекать, что так долго задержался, он понял, что в доме гости. Меньшая дочь Ксении, узнав, что мать в Мценске, сейчас же, прихватив маленького, едва начавшего ходить сына Валерика, примчалась сюда, и от дивана, на котором теперь сидела, освещенная светом люстры и счастливая своим полненьким, одетым в брючки с подтяжками сыном, подталкивала его к вошедшему и остановившемуся у порога Сухогрудову.

— Ох, как подрос,— сказал Сухогрудов.— Космонавт, что скажешь, космонавт!— И он, наклонившись, ласково как будто погладил по белой стриженой головке подошедшего внука.

Холодность, с какою он сделал это, передалась мальчику, и тот, отстраняясь от деда, потянулся к матери.

— Ты не ко мне, ты к деду,— заговорила Шура (так звали дочь Ксении), в то время как Сухогрудов, обходя внука, направлялся в свою комнату.— Ты к деду, к деду,— повторила она, стараясь задержать отчима.

Шура была из тех голосистых, дурных и беззаботных, нравившихся мужьям именно своею беззаботностью женщин, которые, войдя в дом, способны тотчас заполнить собою все и с естественностью, будто и в самом деле вселенная крутится вокруг них, говорить и делать, сообразуясь лишь со своими скоротечными желаниями и настроением; она была теперь рада приезду матери (рада показать сына) и, отдаваясь этому чувству, полагала, что точно так же, как она, должны были испытывать радость и все другие при виде ее сына. Для Сухогрудова она была человеком чужим, хотя и считалась (по Ксении) падчерицей; он не любил ее за суету и болтливость и называл про себя пустоцветом; но когда сравнивал ее с Галиной, то странным казалось ему, что «эта — дура, а счастлива, а та вроде поумнее, а счастья нет». Отчего так происходило в жизни, было непонятно ему; но когда Шура появлялась в его доме, она каждый раз увлекала его своим настроением, и к концу вечера он обычно уже не замечал ни ее бестолковой суеты, ни громкого голоса, ни того, как относился к ней; все недостатки ее лица: веснушки, растекавшиеся от переносицы по щекам (она была похожа не на Ксению, а на отца), и недостатки ее фигуры: что бедра, что плечи были одинакового объема, и тесные кофточки, какие она носила, как будто врезались складками в сдобное тело,— недостатки эти не только не замечались, но, напротив, как будто придавали ей какое-то обаяние, которое трудно было объяснить, отчего оно; когда она смеялась, она заражала смехом всех вокруг себя, и Сухогрудов, сколько помнил, ни разу, казалось, не видел ее удрученной.

Чувствуя, что он поступил сейчас не так, как надо бы, и с трудом отрываясь от тех своих дум, какие только что, пока подходил к дому, занимали его, он остановился и, обернувшись, спросил:

— Николай-то что не пришел?

— Занят,— поднимая на руки сына, неохотно ответила Шура. Вопрос этот не лежал теперь в русле ее настроения и был ни к чему ей.

— Ты что же, в две смены его запрягла?

— Его запряжешь, как раз, где сядешь, там и слезешь.

— Ну это ты на него уже от сытости.

— Че я, че я, нас, поди, трое.— Она подбросила и, подхватив, обняла счастливо улыбавшегося беззубым ртом сына.

— Ты про Галю расскажи,— сказала Ксения, все это время молча стоявшая в дверях кухни. Затем отобрала у дочери Валерика и отошла с ним, пощекочивая его растопырен-

Окончание. См. «Огонек» № 16.

ГАЛИНЫ

ными пальцами. Она жила с Акимом уже седьмой год и так привыкла к нему, что ей иногда казалось, что всю жизнь она провела именно с ним; вполне удовлетворенная, как он относился к ее дочерям, она старалась вести себя точно так же по отношению к Галине, которую видела только раз, когда лет пять назад та приезжала в Поляновку, но которую полюбила, как она утверждала, словно родную, и постоянно с тех пор проявляла беспокойство о ней.

— А что случилось?— настороженно спросил Сухогрудов, обращаясь сразу и к жене и к падчерице.

— Ты послушай, послушай, сердце заходит, что там творится, а ты все не соберешься поехать.

Сухогрудов, оглядев жену и падчерицу, присел на диване, готовясь послушать, что они скажут ему. «Значит, точно»,— сейчас же подумал он о своем разговоре с Ильей Никаноровичем. И сейчас же все возбуждавшие его мысли о Борисенкове, Лукине, Галине и Юрии новым кругом явились к нему. На лице его обозначилось то же выражение, с каким он вошел в комнату, и, как человек, ожидающий удара, он поджимал теперь в нервную и узкую полоску обесцвеченные старческие губы.

— Да че говорить,— начала Шура, у которой все еще было радостное настроение.— Послали Николая в командировку в Москву, а я ему: ты Галю-то попроведай.— И она точно с теми же подробностями, как четверть часа назад говорила матери, принялась все пересказывать настороженно смотревшему на нее отчиму. Николай был у Галины как раз в те дни, когда сын ее Юрий, выкравший и продавший вместе с дружками-грузчиками холодильник, не ночевал дома и когда затем выяснилось, что за какую-то пьяную уличную драку был осужден на пятнадцать суток и ему грозило выселение за тунеядство. Но Шуру главным образом волновало не это, а другое, что бывший муж Галины Арсений привел в квартиру какую-то молодую особу и что это полнейший разврат («Ну и что, что разведенные!»— восклицала она при этом) и что будто бы особа та выживала теперь из дому Галину.— Да я бы живо показала ей, откуда ноги растут,— говорила Шура. Точно так же, как она только что, казалось, вся исходила радостью, когда показывала сына, теперь возмущалась, и слова, в изобилии лившиеся из нее, были искренним выражением ее изменившегося настроения.— Да если бы мой Николай... Прожить столько лет... Как она может?! А Юрий: отцу все разрешено, а ему нельзя? Вот и пошла плясать губерния (она не была посвящена в те подробности, что Юрий не являлся сыном Арсения, а был у Галины от первого мужа, как раз от того самого Ивана Лукина, которого выдвигали сейчас на пост первого секретаря райкома). Че ему не красть и не шалопаить? Я бы на месте Галины сгребла обоих да с их полосатым матрасом вон на улицу, на тротуар, пусть там милуются. А то что же, управы на него нет, что ли? Я уж на Николая: а ты-то че смотрел, ты-то че, говорю, смотрел?

— На Николая ты зря,— сказала Ксения, продолжавшая все еще держать на руках притихшего Валерика.

— Че зря? Ничуть не зря.

— Только впутался бы.

— За правду и впутаться не грех.

— А ты правду-то знаешь?— спросил Сухогрудов.

— Попробовал бы у меня так, вот и вся правда,— ответила Шура.— Я только в чем сомневалась? Как, думаю, можно холодильник из дома украсть, это ведь не кольцо, положил в карман и пошел. Ты, говорю, Николай, не напутал? А он: кольцо еще попробуй продать, кто его купит, а холодильник с рук возьмут, деньги в карман и в пивную,— просто и ясно, как все объяснял ей муж, повторила она отчиму и матери; разговор ее лежал сейчас в этом русле, и она не могла отклониться от него.— Я бы ни в жизнь не потерпела, чтобы со мной так.

— Не-ет, видимо, не припекло еще,— неожиданно проговорил Сухогрудов, прерывая падчерицу и поднимаясь с дивана.

— Да че же не припекло?

— А припекло, живо бы написала или прискакала домой,— докончил он, не глядя на падчерицу.— Ужинать не пора?— Он на мгновение повернулся к Ксении и затем, не дослушав ответа, направился к себе в комнату.

— Он че Галю так не любит?— спросила Шура. Она давно уже заметила за отчимом это и давно собиралась спросить у матери.

— Тише ты. Любит. Да еще как!

— Кому она нужна, такая любовь?

— Тише ты.

V

Несмотря на обилие родственников, и по линии сестер и по линии жен: первой, второй и теперь третьей, Ксении,— Сухогрудов был человеком одиноким. Люди, наполнявшие его дом и окружавшие его, он всегда чувствовал, оставались для него чужими, он видел в них только среду, в которой надо было жить, и никогда не открывал перед ними ни своей душевной боли, ни радости. Благополучие же, какое он старательно поддерживал в семье, особенно когда привез Ксению, было лишь видимой стороною жизни и было нужно ему для того, чтобы никто не мог сказать, что он, Сухогрудов, хоть в чем-либо неудачлив. Если кого и любил он, так это мать Галины, мценскую учительницу, и чувство то затем перенес на ее дочь, свою падчерицу. За сына он не беспокоился. Дементий, получив образование, работал в одной из крупных сибирских проектных организаций, в которой разрабатывались будущие трассы газовых и нефтяных магистралей, и занимал там весьма ответственное место; правда, Сухогрудов считал, что лучше бы пойти сыну не по научной и хозяйственной, а по политической линии, по партийной, где больше простора для деятельности, так как все и всегда подчиняется политике, но это была лишь частность, которую можно было брать, а можно и не брать в расчет; с Галиной же все обстояло иначе, и, кроме огорчений, она ничего не доставляла старому Сухогрудову. Чем больше он делал для нее, тем яснее видел, что всякое усилие наладить ей жизнь натыкалось на какие-то странные и лежавшие вне сферы его влияния преграды. Как только он начинал что-либо советовать ей, она сейчас же замыкалась, и от нее уже нельзя было добиться ни слова; это раздражало Сухогрудова, и он тоже по неделям не разговаривал с ней. Он любил ее лишь за то, что с нею были связаны лучшие воспоминания о ее матери; но вместе с тем еще больше ненавидел за то, что она поступками своими не давала, как ему казалось, любить себя. «Может, и я в чем-то виноват»,— иногда с горечью сам себе признавался он, жалея Галину. Он знал жизнь и многому мог бы научить ее; но она ничего не хотела принимать из его опыта, делала все по-своему, ошибалась, была несчастной и снова, как только проходило время, поступала наперекор советам

отчима. «Припечет, еще припечет»,— не раз затем думал он о Галине и теперь, при Ксении и Шуре, только вслух произнес то, что давно и тяжело угнетало его.

Комната, считавшаяся его домашним кабинетом, была небольшой, тесной, в ней стояло несколько книжных шкафов, письменный стол и кресло, и пахло тем нежилым, тленным запахом пересохших обоев, мебели, вещей и книг, каким всегда бывают наполнены подолгу не проветривавшиеся и обезлюденные помещения; та мельчайшая пыль, скопившаяся на стеклах, шкафах, подоконнике, сейчас же поднялась, как только Сухогрудов, войдя, всколыхнул воздух; он прошел к окну и, приоткрыв, несколько минут стоял возле него, прислушиваясь к затихавшим вечерним городским звукам. Ночь, опускавшаяся на поля и деревенские избы, обычно производила на него впечатление покоя; все погружалось в темноту, сливалось и затихало до рассвета. Ночь, опускавшаяся на город, в противоположность деревенской зажигала сотни уличных фонарей и этими своими бесконечно мерцающими огнями как бы призывала людей к какой-то новой деятельности; смотрел ли Сухогрудов на огни, как теперь, или не смотрел, но, приезжая в Мценск, всякий раз чувствовал это вечернее возбуждение и мучился, не находя занятий и не удовлетворяясь ни семейным, ни иным каким разговором, и ни уединенным чтением книг; приступ этого мятущегося состояния, как приступ лихорадки, подступал и охватывал его.

В последнее время он постоянно жил с сознанием каких-то надвигавшихся перемен, которые должны были изменить его теперешнее существование и вернуть чувство основательности жизни. Когда он оставался в Поляновке, ему всегда казалось, что главный дом его был в Мценске; когда же приезжал в Мценск, то же испытывал по отношению к Поляновке; временным представлялось ему, что он живет с Ксенией и видится с ее бестолково-голосистой дочерью Шурой; временными представлялись семейные неудачи Галины, всегда так болезненно отзывавшиеся в нем, и временным, главное, казалось пенсионное безделье, которым он особенно тяготился; он понимал, что ничто в его жизни уже не может измениться, и в то же время страстно желал перемены, и между двумя этими чувствами — чувством тупика и возможностью продолжения — шел в душе его беспрерывный внутренний поединок. Смириться с тем, что все для него кончено, Сухогрудов не мог; но и не видел он, что можно было предпринять, чтобы приблизить ожидавшиеся перемены, и только сдвигал козырьком нависавшие над глазами черные с проседью стариковские брови.

В этом мучительном состоянии он отошел от окна и сел в кресло. «Значит, Лукина первым»,— неторопливо про себя проговорил он. Мысли его были, как бильярдные шары, рассыпанные по зеленому полю стола,— все одинаково круглые, ускользающие, и он не мог выбрать, на чем остановиться. О Галине он не хотел вспоминать; сказав: «Припечет...»,— он как будто отрезал от себя все, что было связано с ней и ее сыном; но и о районных делах, от которых Сухогрудов с каждым годом все более отдалялся, он не мог заставить себя думать сейчас; лишь мельком взглянув на карту колхозных и совхозных полей, висевшую (с тех лет) на стене, он сейчас же перевел взгляд на книжные шкафы, где за стеклом виднелась фотография Галины.

Снимок был давний, сделанный лет тринадцать-четырнадцать назад, когда Галина с Арсением приезжала на каникулы отдохнуть и повидаться с сыном, которого на зиму оставляла в Мценске. Лето в тот год было особенным, то и дело лили дожди, перемежаясь с ясными солнечными днями, и все вокруг росло и цвело так буйно, что казалось, будто земля вдруг решила показать людям, сколько еще щедрости и силы таилось в ней. Травы просились под косу, пшеница набирала колос; виды на урожай радовали Сухогрудова, и он, довольный общим ходом районных дел, задумал устроить семье праздник. Самым лучшим было поехать в Спасское-Лутовиново; к тому же Арсений давно уже хотел посмотреть тургеневские места. Выехали утром на машинах и к обеду, как обычно бывает в таких поездках, осмотрев барский тургеневский дом (к тому времени еще не восстановленный) и сад со старыми липами и побывав у пруда и на плотине, все чувствовали себя уставшими; женщины присели отдохнуть, а Сухогрудов с Арсением еще решили поискать Бежин луг, который, как им казалось, был где-то неподалеку, за овсяным полем. Бежина луга они не нашли, но вышли к другому, пойменному, по которому, чеканя ножами, ходили конные косилки. Когда Сухогрудов с Арсением спустились на луг, колхозные парни, остановив косилки, прилегли на траву, а потные лошади стояли на покосе и отмахивались от оводов. Вид ли этих томившихся на солнцепеке лошадей, дегтярный ли запах сбруи, сейчас же пахнувший на Сухогрудова и Арсения, как только они поравнялись с конями, или общий вид наполовину уже скошенной поймы (или просто из обычной проснувшейся в нем крестьянской жалости к коням, которым лучше было теперь двигаться, чем стоять), но Сухогрудов, крикнув парням: «Помочь, что ли?»,— взобрался на железное сиденье косилки, застланное каким-то старым ватником, отвязал вожжи и, прищелкнув ими на лошадей, легко и уверенно прошел по кругу загона. Слезая с косилки и вытирая обильный пот с раскрасневшегося, довольного лица, он полушутя предложил Арсению: «А ну посмотрим, на что москвичи способны»,— и, к удивлению своему, увидел, что Арсений не только не отказался, но точно так же, будто с легкостью и уверенно прошел загон. Правда, светлые брюки его были после этого в пятнах зелени, и он то и дело стряхивал руки, словно что-то налипшее было на них; но лицо и глаза под очками выражали то же веселье, какое было у Сухогрудова и было понятно ему.

— Ты что, в деревне жил?— все же спросил он у Арсения, когда возвращались к отдыхавшим у пруда женщинам.

— Да, было немного,— ответил Арсений.

Сухогрудов не стал больше расспрашивать, но уже по-другому посмотрел на Арсения. «Раз знает крестьянское дело, значит, есть что-то от корня, и на него можно положиться»,— решил он тогда. Ему всегда важно было в человеке именно знание крестьянского дела, и долголетняя партийная работа не только не поколебала, но, напротив, лишь сильнее укрепила в нем это выработанное правило оценки людей.

Разглядывая теперь фотографию Галины, он вспомнил о том давнем случае на пойменном лугу и, вспомнив (хотя десятки раз потом было за что не любить Арсения), подумал: «И чего ей не жилось с ним? Какой ни на есть, а жила бы да жила...» Он откинулся на спинку кресла и прикрыл ладонью лицо от света, разбивавшего его мысли. Узел Галининых семейных дел, какой, он чувствовал, так или иначе придется развязывать ему, уже теперь начинал раздражать его; раздражало, главное, то, что все трудности, как ему казалось, создавались искусственно и самою Галиною от дурной настойчивости и неумения жить (и нежелания слушать, когда говорят!); для Сухогрудова узел этот был той лишней тяжестью, какую должны были нести другие, но перекладывали на него, и он возражал и возмущался. «Жила бы да жила»,— снова, хмурясь, повторил он, полагая, что тогда не было бы никаких этих глупых проблем и не надо было бы ломать голову над тем, что делать с Юрием.

В передней продолжала громко разговаривать Шура. Слов, о чем она говорила матери, нельзя было разобрать, но Сухогрудов несколько раз поднимал голову и оглядывался на дверь. Еще в те минуты, когда он слушал Шуру, он подумал, что вот от кого Борисенков узнал про Юрия. «Разнесла, наверное, уже по всему Мценску.— Брови его вновь козырьком сомкнулись на худом, морщинистом лбу.— И тот тоже (он подумал о Борисенкове), словно кто в ж... уколол!» Он вспомнил болезненно-бледное лицо Ильи Никаноровича, когда тот говорил о Борисенкове, и вспомнил свои слова в защиту Лукина, которого сейчас уже не хотелось защищать ему; все, что было связано с Лукиным, Сухогрудов чувствовал, было как будто еще одной ношей, которую кто-то хотел навалить на него, и, пытаясь высвободиться из-под нее, он встал и принялся нервно ходить по комнате.

«Только этого еще не хватало, как будто у меня нет иных забот»,— сердито говорил он. Что это были за иные заботы, какими ему хотелось заниматься, он не уяснял; он только знал, что они существуют и, значит, он должен заниматься ими.

После ужина Сухогрудов, сославшись, что ему надо кое о чем подумать перед пленумом, снова ушел к себе, а женщины, над которыми, кроме домашних, не тяготели никакие другие дела, уложив Валерика, включили телевизор и в креслах устроились перед ним. Вот-вот должен был начаться какой-то новый двухсерийный художественный фильм (о любви!), и Шура непременно хотела посмотреть его.

— Пока буду идти домой, он и начнется,— оправдываясь, сказала она.— А с середины че смотреть, неинтересно. Уж как-нибудь донесу Валерика.

— Конечно, посиди, посиди у нас,— довольная, что дочь остается, ответила Ксения.

Она выключила люстру, так как верхний свет мешал ей, и зажгла ночничок с красным абажуром, стоявший на серванте.

— Я так больше люблю. Уютней как-то,— сказала она.

— А мы по-всякому,— тут же возразила Шура.— Моему хоть сверху, хоть снизу свети, все одно, лишь бы: «шайбу, шайбу!»— деловито добавила она.— Да они все нынче подурели на этой шайбе.

— Да на водке.

— Вот-вот,— подхватила Шура.

— Николай все еще пьет?

— Своего не упустит.

— А ты не потакай, к добру не приведет.

— Потакай не потакай, так ведь дружки у него, язви их!

На экране еще мелькали кадры какой-то сибирской стройки, и, пока не начинался фильм, женщины продолжали переговариваться между собой. Так как обсуждать свои дела всегда неприятно, а в чужих можно свободно изливать душу, Шура незаметно снова перевела разговор на Арсения и Галину.

— Ну, скажем, когда наши, мценские, кобелят, это еще куда ни шло,— говорила она.— Но москвичи, только подумать! Им-то культуры не занимать.

— Люди везде люди,— теперь уже возразила Ксения.

— Я вообще не понимаю мужиков. Вот че Арсению надо, чем Галя плоха для него? Он бы должен ей ноги мыть да воду пить, что не увезла его сюда, в Мценск, да позволила ученые звания набирать. Сама-то так в экономистах и сидит, а он?

— О господи, да разве чужую жизнь рассудишь?

— Рассудишь, мама, еще как рассудишь. Галина, видишь ли, стара, а он к молодой любовь крутить. Да какая же это любовь, если сегодня с одной, завтра с другой, послезавтра с третьей. Я бы всех этих кобелей собрала да на палубу, как протопоп Аввакум, поучить уму-разуму.— И она рассказала историю (не в первый раз уже, впрочем, пересказывавшуюся матери), которую в свое время, в педучилище, услышала от преподавателя литературы, как протопоп Аввакум, желая образумить блудного мужа, подвел его сначала к одному борту и заставил испить воды, затем — к другому и опять заставил испить и, спросив, какова вода на вкус, сказал: «Вот так и женщины — все одинаковы».— Когда было, а понимали,— сказала Шура.— А ведь теперь как: ах, люблю эту, ах, вот ту, ах — и уже, смотришь, новая! Раньше говорили, война спишет, а теперь — любовь? Да ведь и закона нет, чтобы остепенить. Арсений вон привел молодую, Николаю-то че врать, а что ты с него возьмешь? «А у меня любовь»,— вот и все. А где же у тебя совесть, голубчик, вот ты ответь, а ответить нечего.

— Николай-то не изменяет?— спросила Ксения.

— Ты че, мама, да разве я о нем?

Как только пошел фильм, женщины сейчас же притихли, и атмосфера чужой жизни и чужих страстей начала втягивать и занимать их.

Фильм был о той самой неразделенной любви, которую, когда дело коснулось близких Шуры и Ксении, они осуждали, но которую, когда теперь все происходило на экране, воспринимали как должное и были на стороне седого семейного мужчины, который любил другую женщину и не решался от семьи уйти к ней.

— Взял бы да ушел, че мучиться, че мучиться,— говорила Шура...

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

ПОЭТ НАРОДНОЙ СУДЬБЫ

Однажды, отвечая на письмо С. Н. Сергеева-Ценского, Горький процитировал строки из стихотворения «одного казанского татарина-поэта»: «Из железной клетки мира улетает, улетает юная душа моя». Имя того поэта было Габдулла Тукай.

Конечно, не случайно припомнилось великому русскому писателю написанное в 1910 году Тукаем стихотворение «Разбитая надежда» — мысль, заключавшаяся в нем, оказалась необычайно близка утверждению самого Горького: «Мир этот — не для художников, им всегда было тесно и неловко в нем — тем почтеннее и героичней их роль».

В жизни своего народа Габдулла Тукай действительно сыграл подлинно героическую роль, борясь со старым миром, непримиримо выступая против мракобесия и религиозного фанатизма, утверждая право соплеменников на свободное развитие. «Путь социалистов — это и моя дорога»,— писал в одном из стихотворений поэт, близко стоявший к социал-демократам и гордившийся своей дружбой с татарским большевиком Хусаином Ямашевым.

Коротка и трагична биография Тукая. Он родился 26 апреля 1886 года в деревне за Казанью. Рано лишился родителей. Мыкался у чужих людей, некоторое время жил в Казани, затем сироту снова привезли в родной уезд. Об этих тяжелых годах впоследствии Тукай напишет с потрясающей силой в мемуарных очерках «Уцелевшее в памяти». В 1895 году девятилетний мальчик попадает в город Уральск. Здесь ему представилась возможность учиться в русском классе местного медресе. И это оказало решающее влияние на судьбу будущего поэта: юный Тукай стал приобщаться к русской литературе, прежде всего к Пушкину и Лермонтову, стал переводить на родной язык и перелагать стихи русских поэтов.

1905 год. Волны революции докатились и до небольшого города на реке Урал. Первая в истории города маевка. Демонстрации, в которых участвуют рабочие и революционная молодежь. События живо волнуют Габдуллу, который в своих стихах славит сражающихся за революцию. В газете «Фикер» («Мысль») одно за другим появляются стихи, фельетоны и статьи молодого литератора. Газета издается тут же, в Уральске, и Тукай, еще не покинув медресе, устраивается на работу в типографию. Какое это было замечательное время — время надежд, национального пробуждения и революционного подъема! Никто так ярко, как Тукай, не выразил в татарской литературе его пафоса. Он стал истинным певцом революции 1905 года.

В условиях наступившей реакции пресекалась деятельность лишь недавно возникших изданий на татарском языке. К лету 1907 года Габдулла Тукай оказался без печатной трибуны. Лишился он и работы.

Тукай переехал в Казань, где издавалось несколько газет для татар. Литературный заработок его был слишком мал, пришлось устроиться на работу экспедитором. Через год, в августе 1908 года, Тукай и его друг Галиаскар Камал, известный драматург, наладили издание сатирического журнала «Яшен» («Молния»). На страницах журнала во всю свою силу развернулся талант Тукая — сатирика и юмориста. «Молния» била по черносотенцам, громила эксплуататоров, служителей культа, приспособленцев, предавших интересы трудового народа, потерявших веру в новый подъем революционных сил.

В 1908 году была написана и сразу же вышла отдельным изданием сатирическая поэма Тукая «Сенной базар, или Новый Кисекбаш». Она имела невероятный успех и тогда же была переиздана. Завсегдатаи Сенного базара, этого муравейника, в котором копошились наиболее реакционные силы духовенства и торговцев, узнали себя в образах, с замечательным мастерством воссозданных поэтом-сатириком. Поднялся невероятный вой, который лишний раз доказывал, что удар попал точно в цель! До сегодняшнего дня эта поэма остается непревзойденным образцом сатирического жанра в татарской литературе.

Весной 1912 года здоровье Тукая сильно пошатнулось — обострился процесс в легких. Неустроенность, постоянная жизнь в плохо отапливаемых, сырых номерах гостиниц, нужда ускорили печальный финал. 2 апреля 1913 года Тукая не стало. Он умер, прожив всего 27, да и то неполных, лет.

Габдулла Тукай заложил краеугольный камень современной татарской литературы. Народность, реализм и новый литературный язык — таковы главные черты того искусства, для которого Тукай стал знаменем и родоначальником.

В каждой области поэзии — будь то интимная лирика, социальная сатира или политическая лирика — Г. Тукай оставил замечательные образцы. Все последующие поколения поэтов Татарии опирались и опираются на его достижения.

В лице Тукая татарская литература обрела поэта, который защищал своим пером интересы обездоленных и неимущих. Выйдя из народа, живя в народе, поэт хорошо знал думы и чаяния простых людей, чье горе глубокой болью отдавалось в его собственном сердце.

Осень. Ночь. Тоска глухая. Слышно мне, как за стеной
Плачет ветер. Нет, не ветер. То рыдает край родной.
С причитаньем неумолчным плачет мать-земля родная:
«Горе мне: на смертный голод милых деток обрекла я».

Так писал Г. Тукай о голодном, неурожайном 1911 годе.

Реалистические картины крестьянского труда, пейзажи скромной родной природы, поэзия народной сказки получили права гражданства в татарской литературе благодаря таланту Г. Тукая.

Через всю жизнь пронес Тукай любовь к Пушкину и Лермонтову. Особо следует сказать о том, что он широко открыл мир реалистической русской поэзии не только для татарских читателей, но и для всех тюркоязычных народов. В этом Г. Тукай был первопроходцем, которому благодарны лучшие поэты старшего поколения в республиках Средней Азии и Кавказа.

В России не осталось незамеченным творчество Тукая. Еще при жизни поэта некоторые его стихи были переведены на русский язык.

В сегодняшней Татарии творчество Габдуллы Тукая — подлинно народное достояние. Оно принадлежит к вечно живым явлениям искусства.

Виль ГАНИЕВ

Пара лошадей

Габдулла ТУКАЙ

Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь,
И готов рукою крепкой кучер вожжи натянуть.

Свет вечерний тих и ласков, под луною все блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.

Тишина кругом, и только мысли что-то шепчут мне,
Дрема мне глаза смыкает, сны витают в тишине.

Вдруг, открыв глаза, я вижу незнакомые поля,
И разлуку с отчим краем всей душой почуял я.

Край родной, не будь в обиде, край любимый, о, прости,
Место, где я жил надеждой людям пользу принести!

О, прощай, родимый город, город детства моего!
Милый дом во мгле растаял — словно не было его.

Скучно мне, тоскует сердце, горько думать о своем.
Нет друзей моих со мною, я и дума — мы вдвоем.

Как на грех, еще и кучер призадумался, притих,
Ни красавиц он не славит, ни колечек золотых...

Мне недостает чего-то иль я что-то потерял?
Всем богат я, нет лишь близких, сиротой я нынче стал.

Здесь чужие все: кто эти Мингали и Бикмулла,
Биктимир? Кому известны их поступки и дела?

Я с родными разлучился, жить несносно стало мне,
И по милым я скучаю, как по солнцу, по луне.

И от этих дум тяжелых головою я поник.
И невольно слезы льются — горя горького родник.

Вдруг ушей моих коснулся голос звонкий, молодой:
«Эй, шакирд, вставай скорее! Вот Казань перед тобой!»

Вздрогнул я, услышав это, и на сердце веселей.
«Ну, айда быстрее, кучер! Погоняй своих коней!»

Слышу я: призыв к намазу будит утреннюю рань.
О Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!

Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливица ожидают милой гурии уста.

Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живет моя подруга, райский свет в ее очах.

Перевод Анны АХМАТОВОЙ

У ИСТОКА ЛЕГЕНДЫ

адреса великих свершений

«В УЗБЕКСКОЙ ССР... СОЗДАТЬ НОВЫЙ КРУПНЫЙ РАЙОН ПО ВЫРАЩИВАНИЮ ТОНКОВОЛОКНИСТОГО ХЛОПЧАТНИКА В КАРШИНСКОЙ СТЕПИ...»

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото В. СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Вряд ли кто-нибудь из нас не видел настоящей пустыни, ну, хотя бы по телевизору. Гиблая, выжженная солнцем земля. Такой долгие века была и Каршинская степь.

Но вот ее сегодняшний штрих: среди пустыни работающий телевизор!.. Погожим вечером его выносят из полевого вагончика под лохматые южные звезды. Лишь тарахтение движка напоминает, что «голубой экран» водружен там, где еще вчера снимались экзотические пейзажи для телевизионного «Клуба кинопутешествий».

...Целинный Ульяновский район. Далеко в степь уходят угодья совхоза «Третий Интернационал». Часть из них — еще пустыня. Но вместе с тем это уже и не пустыня. От полевых вагончиков к горизонту тянутся следы протекторов и гусениц. Сероватая волна грунта катится впереди поблескивающего ножа бульдозера, а за машиной ложится ровная лента будущего поля.

Здесь хозяйничает передовой отряд бульдозеристов и скреперистов во главе с Александром Корчугановым. В каждом жесте и слове бригадира чувствуется бывалый человек, хотя на лице юношеская, задорная улыбка.

— У многих наших ребят за плечами Голодная степь, но у Каршинской свой норов,— говорит Александр.— Однако ничего, справляемся... Наверное, потому, что впереди нас идет легендарный разведчик Николай Кузнецов. Зачислили мы Николая Ивановича в свой отряд в тридцатилетие Победы. А это обязывает... В завершающем году девятой пятилетки переместили грунта на триста тысяч кубометров больше плана, а в подарок XXV съезду партии — еще восемьдесят тысяч кубометров сверх задания. Это у нас называется: «На кузнецовский счет»...

Право же, не случайно герой войны обрел новую жизнь именно в этой степи: землю здесь героически отвоевывают у непобедимой, казалось бы, пустыни.

Степь Каршинская... Не так уж давно, в 1950 году, в справочнике «Узбекистан» о ней сообщалось: «В южной части степи вплоть до Амударьи идут песчаные пространства, а в северной — глинистые равнины и солончаки. В Каршинской степи распространены так называемые такыры — солонцевато-глинистые, ровные, совершенно голые пространства...»

Рядом же, вдоль юго-западной кромки степи, несется Амударья с общим ежегодным стоком около 66 миллиардов кубометров живительной влаги!

Между уровнями реки и лежащей над ней степи почти полуторастаметровый перепад.

Небезынтересно, что первый проект орошения Каршинской степи водой из Амударьи, представленный в прошлом веке русским инженером П. М. Лессаром эмиру бухарскому, был им отвергнут и якобы предан огню. Эмир посчитал затею несерьезной. А может, наоборот, почувствовал угрозу своим владениям, которые в пустыне легче уберечь? Последнее вероятней. Однако перспективную мысль не сжечь, как сжигают ватман с чертежом. Она снова настоятельно заявила о себе в рекогносцировочных исследованиях и выводах инженеров Анненкова (1889 г.), Петрова (1899 г.), Ермолаева (1911 г.) и других.

Впоследствии, уже при Советской власти, все сохранившиеся изыскательские материалы были собраны в бюро по составлению оросительных проектов в бассейне Амударьи, вошедшем в конце 1919 года в состав Управления ирригационных работ в Туркестане (Иртур). Приказ о руководящем составе Иртура был подписан Владимиром Ильичем Лениным в тот же день, 17 мая 1918 года, что и знаменитый Декрет об оросительных работах в Туркестане.

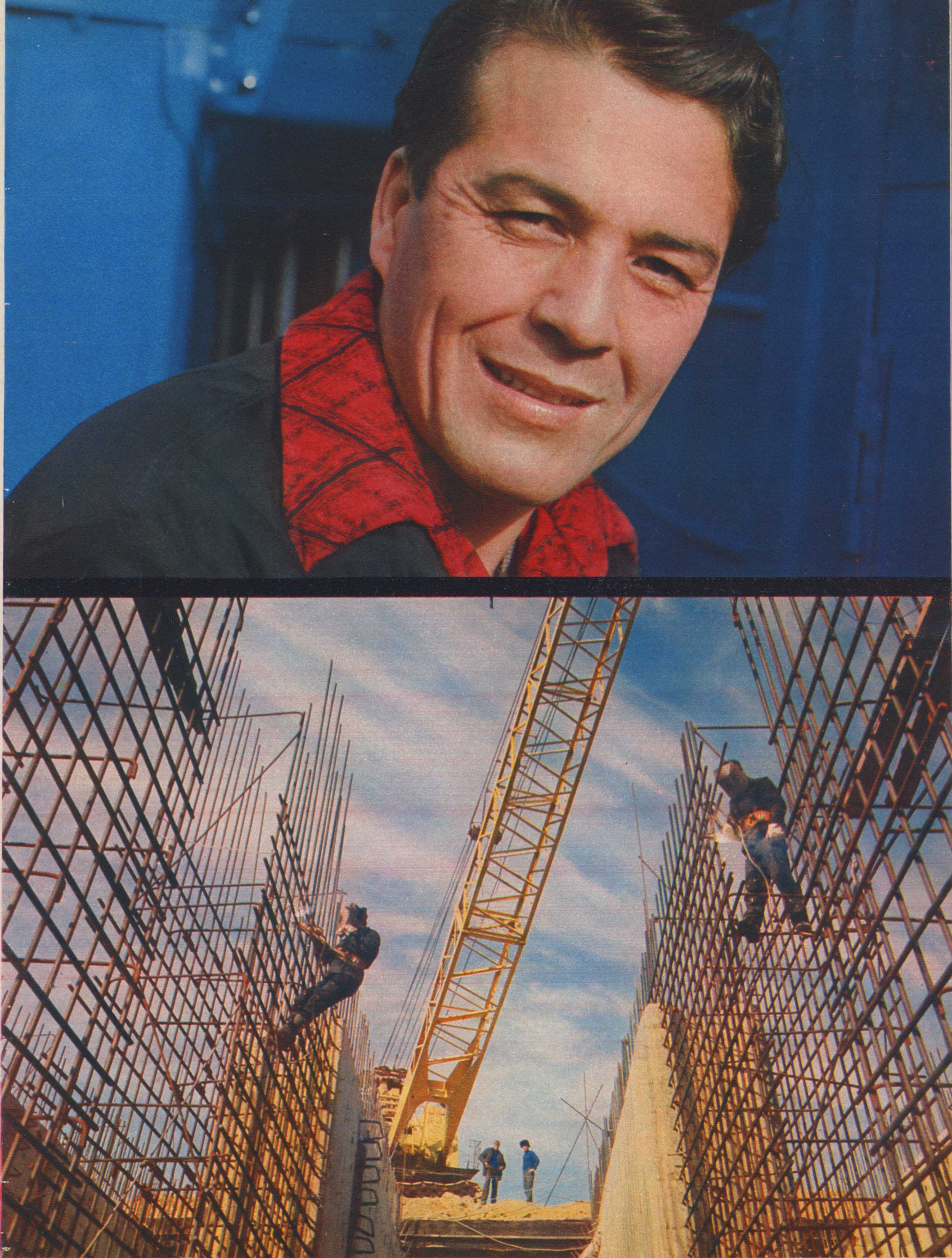
Тогда-то принципиально и было положено начало преображению Каршинской степи. Но лишь к середине пятидесятых годов появилась материально-техническая возможность повести массированное наступление на ее просторы. И то пока не со стороны Амударьи (для машинного подъема речного потока еще не собрались с силами), а с севера. В 1955 году

■ **Делегат XXV съезда КПСС, слесарь завода «Ташсельмаш» Махмуд Муйдинов: «Наши хлопкоуборочные машины — лучшие в мире».**

Так ныне рождаются реки.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Канал, прежде чем пролечь через пустыню, должен пройти через руки ученых.

Вазира Муминова — лаборантка.

вступил в строй заново сооруженный ирригационный канал Иски-Ангар, прекративший свое существование более семи веков тому назад, после нашествия орд Чингисхана. Воды Зарафшана неподалеку от Самарканда были отведены по каналу Даргом и направлены в глубь степи до Кашкадарьи.

Уже первая вода на каршинской целине дала не только чудо-плоды, но и родила удивительные, передающиеся из уст в уста истории о самой этой земле. И сейчас можно услышать, что однажды где-то возле Кассана вода просочилась сквозь старые берега канала и залила целинный массив. Когда вода спала, кто-то взял да и бросил там «для интереса» горсть-другую семян свеклы. Ну, естественно, укрепили берега, погнали воду по руслу и забыли об этом случае. А когда пришли на то место под осень, увидели среди огромной, как слоновьи уши, ботвы пудовые корнеплоды. На колхозном базаре целый переполох! Да и незадача: как продавать такую свеклу? Резать и продавать на килограммы?..

Вот что значит здесь вода. В 1963 году в среднем течении Кашкадарьи был создан огромный аккумулятор влаги — Чимкурганское водохранилище емкостью пятьсот миллионов кубометров, в 1969-м Пачкамарское — почти на триста миллионов кубометров.

— Это позволило отвоевать у пустыни 75 тысяч гектаров,— отметил тот первый ощутимый результат опытнейший гидростроитель Наджим Рахимович Хамраев, возглавляющий ныне Главное среднеазиатское управление по ирригации и строительству совхозов, делегат XXV съезда КПСС.— Но перспективных земель здесь более миллиона гектаров! Поэтому в 1970 году было принято решение об ускорении оросительных и освоительных работ в Каршинской степи. В Директивах XXIV съезда партии было записано: «Продолжить работы по развитию нового крупного района хлопководства в Каршинской степи...» Подошла пора взяться за Амударью! А она же известно какая...— Наджим Рахимович покрутил головой как бы в укор ей.— Надо было часть потока реки перехватить и по водоводам — от одной насосной станции до другой — доставить на самый верх берега, в русло степного канала. При этом приручить бурные струи настолько, чтобы они растекались по бороздам тихими ручьями... Воды Амударьи уже давно в степи, с первого мая 1973 года. Теперь о «Каршистрое» можно писать как о растущем из года в год чудо-богатыре: его «паек» капиталовложений на десятую пятилетку в 1,7 раза больше, чем в девятой,— 955 миллионов рублей!

В распоряжении «Каршистроя» много техники, свои заводы — ремонтно-механический, сборного железобетона, крупные предприятия жилищно-коммунального строительства.

Сделано в степи немало. А главное — сооружен гидротехнический комплекс. От Амударьи на север проложена 152-километровая трасса магистрального канала. Почти сто его километров — в бетонной облицовке. В головной части сооружения каскад насосных станций обеспечивает ежесекундный подъем двухсот кубометров воды на высоту 132 метра. Возле трассы канала, на 86-м километре, строится гигантский резервуар для накопления воды про запас — Талимарджанское водохранилище.

Первая очередь освоения — 200 тысяч гектаров. Лишь за два последних года девятой пятилетки в строй вступило 63 тысячи пахотных гектаров целины.

...Амударьинская вода быстро преображает прежде совершенно голые земли. Вчера — полевые вагончики среди пустыни, сегодня — поселок в совхозе № 24, пока безымянном, лишь год тому назад образованном в Ульяновском районе. А завтра — благоустроенный агрогородок, как в совхозе «Аврора», Каршинского района. Кстати, в «Авроре» живется не только удобно, но и весело. На всю степь известен совхозный самодеятельный ансамбль песни и танца «Мархабо». У идеально спланированных хлопковых и овощных полей, у молодых фруктовых садов и виноградников поднимаются дома совхозных центральных усадеб, бригадные полевые станы. Сегодня это уже характерный для Каршинской степи пейзаж.

...Талимарджан... Город молодости, поднявшийся современным архитектурным комплексом в бывшей пустыне. Город строителей, ирригаторов, автомобилистов. Его улицы прямы, как оросительные каналы, а здания поднимаются к синеве неба, подобно хлопковым холмам на заготовительных пунктах.

Впрочем, это не просто сравнение. Названы причина и следствие: отличный хлопок — прекрасный город. Отсюда как-то виднее вся преображенная степь.

Ныне на освоенных «Каршистроем» просторах располагается 31 совхоз, двадцать из них новые. Хозяйства набирают силу как-то сразу, комплексно. Одновременно с оснащением полей, оросительной системой и застройкой усадеб формируется коллектив земледельцев, комплектуется машинный парк, определяется агрохимическое обеспечение урожая.

— Совхозы растут здесь так: сразу и корень и стебель с листьями,— сказал Али Ахмедович Ахмедов, ведающий в Главном среднеазиатском управлении по ирригации и строительству совхозов вопросами сельскохозяйственного производства.— Так что экономическая отдача каршинской целины увеличивается быстро. В 1974 году было получено 88 тысяч тонн хлопка, в 1975-м — 109 тысяч тонн. Да плюс еще десятки тысяч тонн зерна, овощей, фруктов, винограда. А молоко, масло, мясо! Весомое дополнение к традиционной каршинской продукции — знаменитым каракульским смушкам...

Да, немало появилось в степи разных «дополнений», делающих ее похожей на давно обжитые, оазисные районы республики. Одних садов здесь уже более тысячи гектаров. В десятой же пятилетке площадь под ними расширяется в пять раз!..

— Значит, со временем будем называть степь Ферганской долиной? — пошутил я.

— Почти Ферганской,— улыбнувшись, сказал Али Ахмедович.— Хотя бы потому, что в производстве хлопка у степи есть свой, неповторимый «каршинский вариант»...

— Тонковолокнистый хлопок?

— Он самый. По сравнению с обычными средневолокнистыми сортами это, можно сказать, настоящий шелк. Очень прочные и эластичные ткани из него получаются. Но такой хлопок исключительно теплолюбив, в северных районах республики он не растет. В народе говорят, что крепость его волокон — от характера здешнего степного солнца, а мягкость — от прирученной амударьинской воды.

На XIX съезде Компартии Узбекистана труд целинников был особо отмечен в докладе кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана товарища Ш. Р. Рашидова. Назвав вступившие в строй в девятой пятилетке ирригационные каналы, и среди них Каршинский магистральный и Ульяновский, он, в частности, сказал: «Это очень крупные уникальные гидротехнические комплексы. О них народ слагает легенды».

Широкий размах водохозяйственного строительства позволяет хлопкоробам республики решать все более сложные задачи. Они взяли твердый курс на то, чтобы уже в первом году десятой пятилетки повторить рекорд 1974 года — дать государству не менее 5 миллионов 300 тысяч тонн узбекистанского хлопка. Причем производство тонковолокнистых сортов будет неуклонно увеличиваться.

В прошлом году в Узбекистане уровень заготовок этого особо ценного сырья впервые достиг 240 тысяч тонн. В нынешнем намечено заготовить на 30 тысяч тонн больше. А к концу десятой пятилетки одни каршинские целинники будут производить его около 100 тысяч тонн. Недаром в новом справочнике «Кашкадарьинская область» о вчерашней пустыне сказано: «То, что создается сейчас в Каршинской степи и что намечается в ближайшей перспективе, выходит далеко за пределы местного, республиканского значения».

Степь Каршинская... Необъятная, песенная и обжитая...

■

Тонковолокнистый хлопок — словно шелк...* Город Талимарджан.

ПОДВИЖНИК ЖАНРА

Недавно многочисленные коллективы художественной самодеятельности познакомились с новым сборником одноактных пьес «Семейный обед». Он принадлежит перу известного советского драматурга Цезаря Солодаря. Одноактная драматургия, в том числе и пьесы Ц. Солодаря, успешно ставится и профессиональными театрами и на телевидении. И, безусловно, прав профессор Вл. Пименов, с удовлетворением констатирующий в послесловии, «что этот сборник также внесет определенный вклад в репертуар самодеятельных и профессиональных театров».

Новая книжка Ц. Солодаря привлекает внимание широтой и серьезностью тематики, жизненностью содержания. Восемь одноактных пьес, составляющих сборник, отражают в конкретных человеческих судьбах и образах различные периоды истории нашей социалистической Родины. Например, в «Сверстниках грозы» автор воссоздает волнующий эпизод времен гражданской войны, борьбы за молодую власть Советов. «Голубой снег» переносит нас в 1942 год, на один из фронтов Великой Отечественной войны. Но большинство пьес поднимает актуальные нравственные проблемы сегодняшней жизни советского общества.

Вот, скажем, «От мира сего». В какой-то мере пьеса предваряет ныне широко известный фильм «Премия» и спектакль «Протокол одного заседания». Герой Ц. Солодаря — бригадир машиностроительного завода Дмитрий Смолин — тоже отказывается со своими товарищами по цеху от премии, так как убежденно и справедливо считает, что премии более достоин тот рабочий коллектив, который не был освобожден от освоения выпуска новой, сложной продукции. На этом строится конфликт, в котором побеждает высокая, подлинно социалистическая нравственность современного рабочего человека.

В пьесах Ц. Солодаря много молодых героев. Драматург любовно выписывает образы людей, самоотверженно защищавших Советскую Отчизну в годы ее рождения, в сражениях против фашистских захватчиков, а сегодня активно участвующих в коммунистическом строительстве на заводах, стройках, колхозных полях, в науке. Причем эти молодые герои идут по жизни плечом к плечу с представителями старших поколений, принимая от них эстафету славных революционных традиций.

Привлекательно и жанровое разнообразие сборника. Драма («Голубой снег», «Сестры») соседствует в нем и с комедией («Сибирячка», «Душа общества»), и с водевилем («Тяжелый день»).

И последнее: одноактные пьесы Цезаря Солодаря просто интересно читать. Еще одно подтверждение тому, что одноактная драматургия, если она талантлива, мастеровита, проблемна, есть полноправная современная литература.

Н. ЛЕЙКИН

Ц. Солодарь. Семейный обед. М., «Искусство», 1975.

С ДНЕМ

Минута — и сомкнутся массивные двери.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора.

...Олин день рождения был назначен на вторник, 6 апреля 1976 года.

К десяти тридцати утра все принимающие участие в операции были на своих местах. Светились экраны со схемами, изображающими сложное хозяйство зала. Самописцы выплескивали исчерченные бумажные ленты. По экрану одного из телевизоров метались огненные точки, отмечая своим ритмом работу сердца и мозга больной. А сама больная была видна на другом экране, вокруг которого в ожидании начала операции стояла группа людей в белых халатах.

— Можете переодеться и, пока не начали поднимать давление, сделать снимки в барокамере.— Сказав это, Теймураз Николаевич Гиоргобиани поручил меня медицинской сестре.

Я быстро сбрасываю одежду, облачаюсь в курточку, шапочку и бахилы зеленого цвета, затягиваю рот и нос маской, прохожу стерильный отсек...

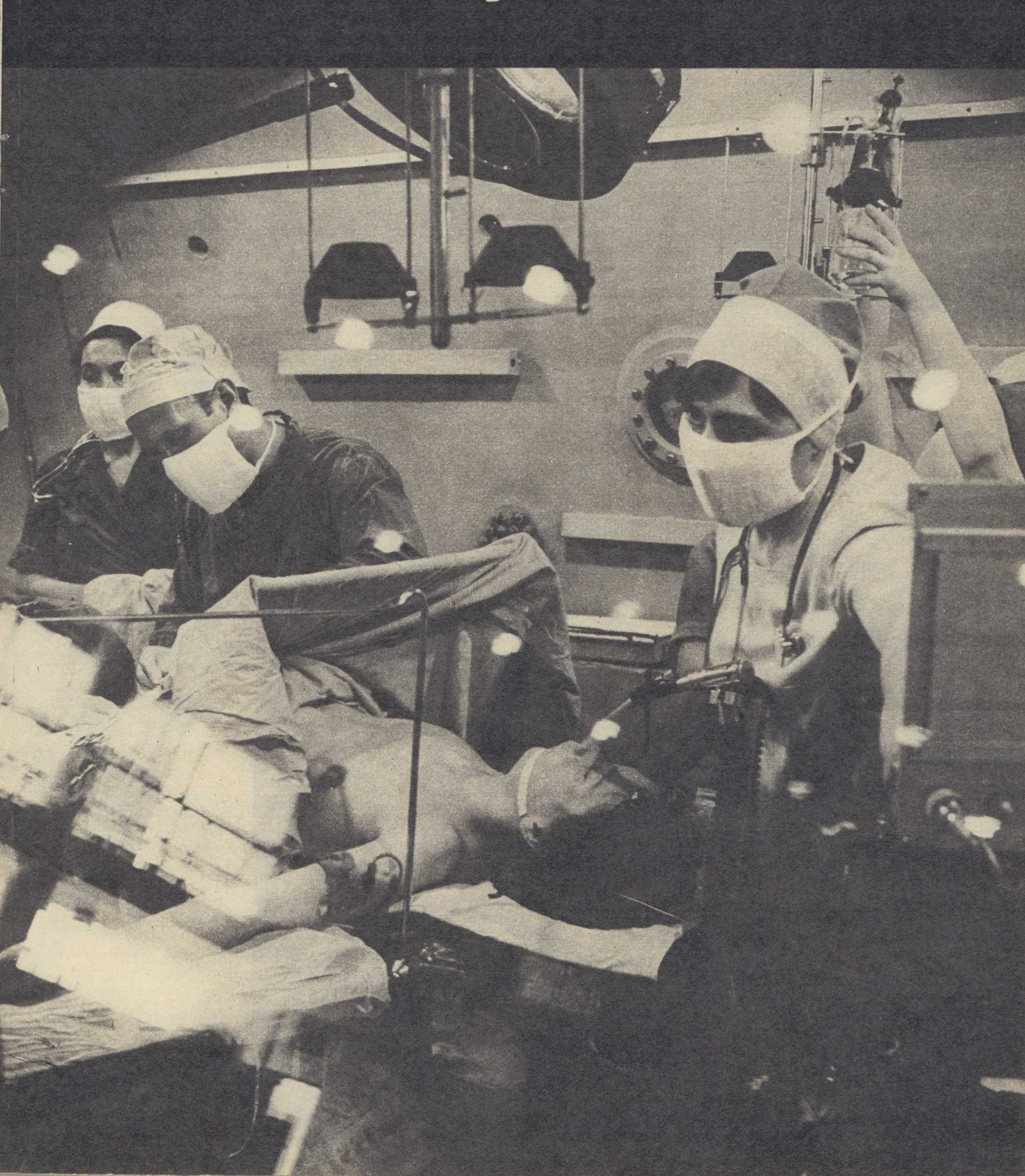
Всесоюзный центр гипербарической оксигенации ВНИИ клинической и экспериментальной хирургии, или, как его называют проще, барогоспиталь, еще молод. Немногим более года, испытав все системы, специалисты дали «добро». Естественно, каждая операция, проводимая здесь, будь то операция на сердце, легких или сосудах, уникальна. Каждая операция — это бой, упорный бой, в котором должна уступить болезнь и победить наука, мастерство, знания и воля врача. Здесь, в бароцентре, союзником врача становится давление, помогающее насытить ткани и органы больного кислородом, улучшить его состояние, облегчить работу сердца. Однако здесь и враг больного и врача намного сильней. Это болезнь, часто непобедимая ни при каких других обстоятельствах.

...Больная уже под наркозом. Хирург

Бежит время.

РОЖДЕНИЯ, ОЛЯ !

Александр Львович Бейлин.

Александр Львович Бейлин прячет руки в стерильную марлю. Ответственный за проведение сеанса старший научный сотрудник Гиоргобиани кивает: «Начнем!»— и подает мне знак выйти. Сейчас сомкнутся массивные двери операционной и шлюза, медленно начнет возрастать давление — на атмосферу, на две... Нервно чиркают по бумаге самописцы, пляшут огненные точки на экране. Сосредоточилась у своего пульта оператор Галина Леонтьева. Она управляет режимом давления и микроклимата в хирургическом блоке. Занял кресло, держа на коленях журнал для пометок, врач-барофизиолог Николай Николаевич Сиротин. Подобно тому, как группа врачей, ведущих операцию, следит за состоянием больной, барофизиолог следит за состоянием самих врачей. Все-таки нагрузка на них немалая — избыточные две атмосферы. Сквозь толстые бронированные стекла — операционная, склоненные в зеленых шапочках фигуры, спящая больная... Как в немом кино — безмолвная, но упорная борьба. Борьба за жизнь. Нет, за две жизни...

У врачей есть такой термин — противопоказания. Так вот, противопоказания иметь ребенка у сегодняшней больной были очень серьезные — врожденный порок сердца: стеноз устья аорты, дефект межжелудочковой перегородки, аневризма аорты. Естественные и искусственные роды в обычных атмосферных условиях были бы крайне опасны.

На счету Александра Львовича, заместителя главного врача роддома больницы № 67 города Москвы, подобная операция четырнадцатая. Почти полтора десятка спасенных матерей и столько же спасенных детских жизней.

...Бежит время. Минул час, на исходе другой. В зале оживление. Все, кто не обязан находиться сейчас на своих постах — врачи, инженеры, студенты,— тянутся к круглым окнам. Улыбаются:

— Девочка...

Снова неслышно бегут стрелки. Минуты слагаются в новый час. За иллюминаторами уже все позади. Усталые сидят хирург, сестры. Переговариваются. Наверно, просто о житейском. Теймураз Николаевич изредка взглянет на приборы, потом в карту больной. Долго тянется время. Нянчит уже запеленатую малышку Нина Александровна Чернявская — детский врач. Склонилась над больной Наталья Панкратовна, анестезиолог. Она, наверное, шепчет:

— Просыпайся, голубушка, уже пора...

Галя Леонтьева отрывается от рукояток управления, распрямляет спину. Все. Можно открыть двери в операционную и шлюз. Сейчас из бронированного проема выйдут те, кто три часа назад входил в него. Те и еще одно крохотное существо.

Как назовут тебя! Наташа, Маша, Оля!

Оля, я хочу поздравить тебя с днем рождения.

С днем рождения!

Теймураз Николаевич Гиоргобиани дает команду включить декомпрессию.

Галина Леонтьева.

Леонид САПРОНОВ

РАССКАЗ

Рисунок И. УШАКОВА.

Горячие раны

В знойную пору опять возникли обманчивые видения: асфальт впереди начал дрожать, зыбиться, лосниться, жирными пятнами стекать на обочину. И только вблизи дорожное полотно снова становилось упругим и твердым, мерцающей шершавой струей ныряло под колеса.

Рожденная горячими потоками воздуха, причудливая игра света завораживала, притягивала к себе. Узоры менялись, как в детском калейдоскопе, и переливались, словно живые.

Не сбавляя скорости, Плахов мельком взглянул на дочь — видит ли она этот затейливый хоровод? Вытянув ноги и откинув голову на спинку, Ася уютно устроилась на сиденье, почти лежала на нем, ее выпуклые, подведенные серебристо-голубой краской веки были прикрыты.

Плахов потянулся к рычажку приемника и убавил звук. И тотчас Ася открыла глаза, негромко спросила:

— Мешает?

— Я думал, ты спишь...

— Вот еще! Целая ночь впереди. Когда приедем?

— Уже скоро.

Переговариваясь с ней, Плахов прозевал километровый знак. С нетерпением он дождался следующего, вывел машину на взгорок и выключил зажигание. Мотор заглох, захрустели под шинами каменные горошины и смолкли.

— Опят скат? — искоса взглянув на отца, поинтересовалась Ася.

— Не угадала,— отозвался Плахов.

Он выбрался из машины, заслонясь от солнца, внимательно огляделся. Где-то здесь раньше начинался пологий спуск, тянулась обсаженная липами пыльная дорога, внизу темнел бревенчатый мостик с перилами. А за ним раскинулись заливные луга, пройдешь по траве — и останется позади светлый, матовый след. Носился вдоль берега жеребенок с гладкой шерсткой и бархатистыми губами, косил диковатым глазом, норовил взбрыкнуть, поддеть копытом. И целый день висели над головой мягкие, на темной подкладке облака... Впрочем, когда это было — облака, липы. В детстве мы все преувеличиваем... Сейчас Плахов видел лишь безлюдный, крутой обрыв, редкие кустики у реки, разбросанные в низине сельские домишки и не узнавал родных мест.

Он опустился на сиденье, захлопнул дверцу и с минуту не двигался.

— Что случилось? — забеспокоилась Ася.— Может, заблудились?

— Да нет, все в порядке. Приехали. Вот оно, Красное.

Дочь бегло окинула взором деревню, иронически усмехнулась.

— Ах да! Я и забыла. Волнующая минута встречи с отчим краем. Родительский кров, дым родной хаты, последний поклон...

— Ох, Аська! — сокрушенно покачал головой Плахов.— Дождешься ты у меня. Лопнет мое терпение...

Дочь хмыкнула и снова прикрыла свои нагримированные, неестественной голубизны веки.

Плахов повернул ключ и выжал сцепление. Он отыскал удобный спуск, развернул машину, осторожно вывел ее на укатанную до блеска двухполосную, в мелких трещинах колею. Грунтовая дорога круто забирала вправо, в сторону от шоссе, размашистой петлей спускалась в лощину. За речкой миновали ровное, гладкое поле, усаженное крестообразными рядами тощей капустной завязи, потом, валко раскачиваясь на ухабах на ощупь продирались сквозь заросли вишняка. Вскоре открылся обнесенный тесовой оградой двор с приземистым, казенного вида строением в глубине.

— И что теперь? — деловито осведомилась дочь.— Освободить машину?

— Сделай одолжение, разомни свои косточки. И, ради бога, перестань язвить. Все равно не оценят.

Ася обиженно выпятила губы, но все-таки выбралась наружу, слишком приметная в своем брючном наряде среди этого просторного, истерзанного ободьями и тракторными гусеницами двора с привязанной у ворот понурой лошаденкой, накрытой вместо седла потертым ватником.

Они поднялись в серую полутьму коридора и задержались у раскрытой двери. В комнате за дальним столом виднелось тусклое, словно запыленное, лицо с припухшими веками, мелкие кудри стандартной завивки, скошенные плечи. Молодая женщина с карандашом в руке изучала кипу бумаг.

— Есть тут живые люди? — подал голос Плахов.

— Вы ко мне? — встрепенулась женщина, вскидывая на пришельцев глаза.— Входите.

Она поднялась из-за стола, невысокая, плотная, указала гостям на стулья и представилась:

— Будем знакомы: Евгения Горчакова, председатель. Чем могу служить?

— Я, собственно, по личному делу,— пустился в объяснения Плахов.— Ехал мимо, по пути заглянул... Вся штука в том, что я здесь родился. Именно здесь, в Красном. Да и после приезжал, мальчишкой. Давно, разумеется, и с тех пор — никаких связей... В общем-то прихоть, сплошная лирика. Ведь столько лет прошло! И все ж нет-нет да и защемит сердечко. Дай, думаю, загляну, удостоверюсь, пройдусь по старым следам... Плахов я, Михаил Плахов.

— Плахов? Постойте, Плахов... Нет, не помню. Я-то не местная и мало кого знаю из коренных уроженцев.

— Жаль. Но, может быть, старожилы остались? Какой-нибудь дед или еще кто...

— Ну, если я сведу вас с бабкой Токарихой, вы вряд ли обрадуетесь. Толку от нее не добьетесь, а заговорит — это уж точно. Вам нужен Капитоныч — это вернее.

И тоном человека, который не привык откладывать решения, громко позвала:

— Галя! Галь! Сбегай позови Капитоныча.

— Счас! — послышалось из коридора.

Резво зацокали каблучки, мимо двери промелькнуло ситцевое, в синий горошек платье.

Теперь, когда Плахов освоился с полумраком, скуластое, обветренное лицо Горчаковой показалось ему уже не тусклым, а словно прокопченным на солнце. Легкая вязаная кофточка с короткими рукавами плотно обтягивала плечи председателя, на сгибах округлых локтей вздрагивали, расправляя крылья, ямочки-птички. Привычным скользящим жестом Горчакова вспушила свои завитые волосы и улыбнулась, округляя щеки и показывая ровные, крепкие, яркие на смуглом лице зубы.

— И давно вы на этой должности? — поинтересовался он.

— Пятый год. Сначала агрономом назначили, а теперь вот за старшего. Начальство терпит, ну, и я не сдаюсь.

— Трудно приходится?

— Как вам сказать... А где она, легкая работа? Любое дело не дается с наскока. А в общем, привыкла... А это ваша дочь? Я так и подумала.

С простодушным любопытством она оглядела Асю, задержалась взглядом на расклешенных внизу брюках и отвела глаза.

— Мы не мешаем? Не задерживаем вас? — забеспокоился Плахов.

— Нет, конечно. Это я сводку в район готовлю,— пояснила она.— И, как всегда, срочно. Не беда, успею. Вот определю вас и... Не вы первые. У нас частенько гости бывают. То ветераны, то родственники. Дело в том, что здесь фронт стоял. А у нас списки погибших. Приезжают, ищут своих. Я сначала решила, что и вы тоже... Ничего, Капитоныч разберется. Он у нас по этой части мастак.

Постукивая палочкой, переступил порог и загородил собой дверной проем пожилой мужчина с крупными, тяжелыми чертами лица и кустистыми бровями. Левая нога у него не сгибалась, и он при каждом шаге подтягивал ее к себе, непослушную и чужую.

— Мое почтение,— густым, гулким голосом заговорил он.— Звали? Кому я тут, старый охламон, понадобился?

— Вот, знакомься: наш земляк,— порекомендовала Горчакова.— Родом из Красного.

— Да ну? — удивился мужчина и уставился на Плахова.— Чей же будешь?

Плахов объяснил.

— Михаил? Погоди-ка... Это какой же? Уж не покойной ли тетки Насти племяш? А? Не тот ли дохлый шкет, кого на поправку присылали, на молочко да на вольный воздух? Уж не он ли?

— Тот самый,— обрадовался Плахов.

— Помню, как же,— благодушно гудел Ка-

питоныч.— Когда ж это было, дай бог памяти?.. Должно быть, году в тридцатом — тридцать втором или около того. Ну да! Не раньше. Еще портки у тебя до колен были и помочи накрест. Верно? Хоть и дырявая память стала, а ухватила. Ишь, как оно обернулось. Да, бежит времечко... Ну и с чем пожаловал? Уж не дачу ли присмотреть?

Плахов рассказал о цели своего приезда.

— Ах, вон как. Похвально. Старое — оно, говорят, крепче нового. Не так ли? Только где ж их найти, стариков? Осталась одна Токариха, да и та заговаривается. А я тогда пацаном был вроде тебя.

— А изба? Ну там пеньки, сруб или еще что? Сколько раз мерещилось: шаткое крылечко, замшелые венцы, темные сени, связка лука под застрехой... Так, кажется, называют?

— Какая там изба! — безнадежно отмахнулся Капитоныч.— Здесь фронт стоял. Все чисто сгорело.

— Ах да, фронт... А место? Место ведь сохранилось? — настаивал Плахов.— Колодец, межа, камень — что угодно. Хоть какая-нибудь зацепка, точка отсчета.

— Место? Отчего ж, показать можно. Пешком или как? — И Капитоныч кивнул в сторону окна, за которым поблескивала никелем задняя фара машины.— Ваш бегунок?

— Да, пожалуйста,— засуетился Плахов, вскакивая с места.— Если можно проехать, я с удовольствием...

— Я с вами,— подхватилась и Ася.

По совету своего провожатого Плахов направил машину вдоль густого ряда пыльных, поникших от зноя ракит, разгоняя полусонных кур, свернул в тесный, не тронутый колесами тупичок. Не без труда Капитоныч вылез наружу, выпрямился, опираясь на палку, свободной рукой окинул пространство, глуховато произнес:

— Здесь он и был, Настин двор.

Они ступили на огородную межу, прошлись между грядок. Надутые, упругие стрелки лука, кружевная морковная бахрома, а дальше — крапивные заросли, выщербленный угол сарая... Плахов приглядывался к чужой усадьбе, силился представить на этом месте серые, с облупленной краской пчелиные ульи, тонкую, как папиросная бумага, кожуру на стволе березы — она отставала от коры, завивалась стружкой. Шелестела, мерцала на солнце, обдавала прохладой листва, рядом на высоких ветках проглядывали спелые груши, по-местному — дули, размытыми комочками надолго повисали в воздухе золотистые осы... И соседская девочка, шустрая, беловолосая, босая, с потешным именем Нюнька. Анюта... С ней Плахов тогда сдружился: вместе и за ягодами, и за теленком, и на речку. Интересно, какой она стала, если жива?

Растерянно озираясь, он брел вдоль межи, видел лишь рыхлую землю, жиденькие кустики смородины, железную крышу сарая и ничего не узнавал. «И это все? — разочарованно думал он.— И это называется вернуться?»

— А береза? — с надеждой спросил он.— Ее, бывало, издалека видать...

— Береза? Не помню. Может, на блиндажи пошла...

С чувством обманутых надежд Плахов выбрался к самому краю откоса и в нерешительности остановился. Отсюда, как и в прежние времена, открывались просторные дали: пологий, изрытый оврагами, глинистый спуск, гладкое капустное поле, извилистая кромка невидимой речушки, пронизанный солнцем редкий березняк-самосев на той стороне, заречные холмы, туманная синева леса. Но теперь эта спокойная, задумчивая ширь, это неяркое раздолье больше не трогали Плахова, не будили отклика.

— Тут их и подстерегли, сердечных,— негромко сказал Капитоныч.— В то утро не одного положили.

— Кого? — не понял Плахов.

— А моряков. Морскую пехоту. Выбрались они, значит, после речки на ровное место, изготовились к штурму, а туман возьми да и развейся. А на высотке у немца — бронеколпак, пулеметы. Ему все видать, как на ладони. Заметили там наших, отсекли от своих и давай утюжить. Черных на белом снегу...

— Именно здесь? — недоверчиво спросила Ася.

— Ну да. В аккурат где капуста. В марте это было, в сорок третьем. Застоялся тут фронт, застрял на целый год. Наши решили тогда прощупать оборону, провести разведку боем. Оно бы и сошло, да туман подвел... Отсюда она и пошла, Курская дуга, еще с весны. Самые жгучие места.

— И что же, так никто и не уцелел? — встрепенулась Ася.

— Нет, почему? Приезжал тут один, рассказывал. Ранили его тогда. Ранили, значит, а шевельнуться не смей. Чуть подымешь голову, и сразу поливают свинцом. Пристрелялись, гады. Лежу, говорит, замерз до печенок, заледенел, как сосулька. И деться некуда. Только ночью и вынесли.

— Это ужасно! — вырвалось у Аси.

Плахов смотрел на ровный, разлинованный всходами участок, силился представить на нем поникшие, скошенные смертью тела и не мог. Не вязались они с этими по-младенчески нежными ростками жизни, благодатными далями, ласковым предвечерним небом. На миг почудилось ему, будто уже не моряки, а он сам крадется по полю, заросший и потный, отрезанный от своих, на прицеле у врага. Напружинилась у него вдруг каждая жилочка, тело стало пустым и легким, тяжко бухало в груди сердце. Этот неуемный озноб, эта горячая отвага в душе...

Ощущение было настолько сильным, что ладони у Плахова вспотели. Волнуясь и спеша, он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, высвободил шею, смущенно пробормотал:

— Ох и духотища!..

Только теперь, перед лицом прошлой трагедии, затея с возвращением показалась ему ненужной и мелкой. А еще подумалось ему, что жить рядом с моряками надо честно и строго — перед погибшими не слукавишь.

— А вы, как видно, не забываете моряков,— вслух сказал он.

— Приходится. Как инвалид, я тут свободней прочих, вот и назвался дневалить над вечным покоем. Да разве одни моряки? Попила речка кровушки... А хоронили ребят где при-

дется, где позволяли условия. Непорядок, верно? Люди, а лежат где попало... Лет пять назад решили у нас перезахоронки устроить. Пряжки находили, пуговицы, звездочки, подковы от сапог. Жуткая, скажу я вам, картина. Люду вокруг, бабы голосят... Ожила история. Теперь вместе и лежат вон там, под обелиском.— Капитоныч указал на зубчатую гряду деревьев, над которой возвышался ребристый шпиль.— Там и гостей встречаем и митинги проводим в победные дни. Туда и наши женщины поминать ходят. Вроде как по-семейному, к сродственникам.

И он первым заковылял к братской могиле.

Обычная металлическая ограда, каменные ступени, цветник в оправе из кирпича, скорбная надпись. На торцевой стене массивного основания, под глянцем фарфора, одинокий портрет: молодое, по-детски одутловатое лицо, доверчивый взгляд, густые брови вразлет.

— Ездит одна старушка к сыну,— пояснил Капитоныч,— до сих пор убивается. Упросила повесить. Может, и не следовало выделять, а как откажешь?

У подножия цвели ромашки, блестела на монументе свежая краска. Здесь, за деревьями, тишина представлялась густой, глубокой, застывшей на века. Вдали цепочкой вышагивал к речке, желтыми комками скатывался со склона утиный выводок, веселым пламенем горела на взлобке парусная флотилия пурпурно-алых комбайнов.

— Такая силища,— заметил Капитоныч.— Целая армада. Хоть завтра в поле... Раньше на этом месте школа стояла. Не помнишь? Бывший барский дом. Война подчистила. А скольких людей она подобрала! Напоролся на мину Филька Сухорукий, нашли под снегом Анюту Лаврухину...

— Это какую? — томимый недобрым предчувствием, забеспокоился Плахов.— Нюньку, наверно? Беленькая такая, с косами...

— Ее. Выгнали их, значит, фрицы из погребов, велели в тылы пробираться. А на дворе пурга. А одежонки на людях — всего ничего. Ну и растерялась она, поди, со своими. Только весной и откопали. Снегу тогда насорило — прóпасть...

«Вот оно как,— с бессильным гневом подумал Плахов.— Да чем же она провинилась, чем заслужила такую судьбу?» И заныло в груди горькое чувство вины: вот, полегли они, отмучились, а он остался, ходит по земле здоровый и праздный, как заезжий турист. Да здесь не смотреть, не спрашивать надо, а стоять молча, навытяжку, с непокрытой головой...

Лишь на обратном пути мужчины обнаружили пропажу Аси. Ее тонкий, обтянутый пронзительно-синей тканью стан резко выделялся внизу, на приглушенно-салатном фоне злополучного поля. Вот она присела, склонила голову, протянула руки к земле...

— Ничего она там не найдет,— прогудел Капитоныч.— Видать, мода у девчат такая — в штанах ходить,— рассуждал он.— Может, оно и удобно в дороге, все лучше, чем лытки голые выставлять, а непривычно. Как иностранка... Не угонишься за молодыми, они теперь ну прямо реактивными стали. И внук мой тоже. Сопля соплей, а туда же, выкомаривать. Давеча еле согнал с мотоцикла. Ах ты, говорю, анчутка, ты что же это технику гробишь? Хочешь шею себе свернуть? Насилушки оттянул. Тоже, покоритель пространства... Весь в батю. Тот целыми днями гонял на мотоцикле. Расшибался, бывало, и хоть бы хны. Как вечер — вéрхи на своего железного коня и в степь. До тех пор гасал, пока не женился...

Приноравливаясь к неровным шагам Капитоныча, Плахов совсем некстати вспомнил свое остекленное, пронизанное светом конструкторское бюро, напряжение утренних оперативок, кипу еще не проверенных калек на своем рабочем столе. И трудности с освоением новой машины: комиссии, акты приемки, неприступные, как горные цепи, ломаные линии графика испытаний — все это представлялось ему теперь страшно далеким и маловажным.

Скоро их догнала Ася. Она поравнялась с отцом, уцепилась за его локоть, умерила шаг.

— Как думаешь, сколько им было? — негромко спросила она.

— Кому?

— Ну, морякам.

— Наверно, твоего возраста. Может, чуть старше.

— И все, и конец. Трудно умирать молодым...

— Да. Нелегко.

К машине они подошли молча, в последний раз огляделись.

— Вот вам и Настин двор,— опять загудел Капитоныч.— Как говорится, вопросы будут? Нет? Ну тогда, это самое, подбросьте меня к правлению. Доложить надо.

— Само собой,— согласился Плахов и с улыбкой добавил: — Отчитаться, значит? Что, строгий у вас председатель?

— Не так чтобы строгая, а порядок любит.

— И что же? Получается у нее?

— Управляется. Как все, так и она. Обладилась. А поначалу ее, бывало, ни во что ставили. Сойдутся наши мужички в кабинете, рассядутся на столах, дымят, лясы точат, тянут волынку. И я, старый дурень, тоже роптал. Почему это, мыслю себе, пигалица будет мной командовать? Мужчины не нашлось, что ли? Такой ладной да кругленькой только парней охмурять, а она в начальство метит... Не скоро признали нашу Евгению. А нынче уже без причины не зайдешь, не задымишь, не засидишься. И что удивительно, обходится без крепких слов. И ничего, слушаются...

Они вернулись к правлению, поднялись на крыльцо. В этот раз Горчакова осталась за столом. Зябким, чисто женским движением она сплела на груди руки и откинулась к стене, тугая и округлая, как свежеиспеченный хлеб.

— Докладывайте,— потребовала она.— Нашли свою точку отсчета?

— Увы, никаких следов,— отозвался Плахов.— Впрочем, это не суть важно. Какой у вас здесь, оказывается, кромешный ад был, какие трагедии разыгрались. Просто в голове не укладывается.

— Вот и я тоже,— подхватила Горчакова.— Сколько живу, а никак не привыкну. Словно по кладбищу ходишь...

Ненадолго они примолкли. Первым не выдержал Капитоныч. Он хитро взглянул на председателя, ухмыльнулся, с лукавым задором принялся рассказывать:

— Знаете, как нашего председателя прозвали? Барыня. Честное слово! Была у нас тут раньше помещица, дворянка, белая кость. Строгая такая, настоящая барыня. Вот и Евгению тоже. Ляпнула однажды бабка Токариха, так и пристало: барыня да барыня. Не со зла, а для отличия. Вроде почетного звания...

— А барыня эта раньше всех на ногах,— заметила Горчакова.— И дом на мне, и сын, и колхоз... Да и какие там строгости! Если и отчитаешь кого, потом ночь не спишь, мучаешься. Не обидела ли? Каждого жалко. У всех самолюбие...

За окном синело небо, кудрявился на створке ворот оранжевый пучок солнца, а в кабинете смеркалось. Капитоныч нащупал было выключатель, но Ася опередила его.

— Нет, нет! Не надо! — вскинулась она с испугом.— Не надо зажигать...— И как бы заглаживая свою резкость, уже мягче добавила:— Так лучше. А вы... Вы ведь тоже воевали?

— Я-то? — удивился Капитоныч.— А как же! Было дело, только не здесь, а под Вязьмой. Там меня и подстерегли. Стебануло осколком. И очутился я на земле, на мерзлой кочке. Нога как с пару зашлась, печет — хоть криком кричи. А подняться не могу. Спасибо, Азата увидел, башкира из первого взвода. Идет, черный, как деготь, запалился весь, одно к земле попинается. Ты что это, окликаю его, потерял? И почему здесь, спрашиваю? Повернулся он, пялит на меня свои глазищи, будто попритчилось ему. Виноват, отвечает, отстал... Как так отстал, говорю, когда наши уже во-он где? Напал на него, а сам ослабел и с места не сдвинусь. Куда и силушка делась. Ну, поостыл я трошки. Подойди, говорю, такой-разэтакий сын, давай перевязывай... Потянул он за сапог, а сапог не снимается. Режь, говорю, к чертовой матери. Будем живы — новые наживем. Он режет, а я света не вижу, зубами скриплю. Горит моя ноженька, в глазах замжило... Перевязал он меня, даже взмок от усердия. А в роще стреляют, бухают взрывы. Если что, отбивайся до последнего, наказываю, понял? Понял, понял, кивает он мне. Тут я и обмер. Очнулся в медсанбате. Чую: живой. И словно полегче стало. А мне говорят: деревня — наша. То-то рад был! И жив остался, и деревню взяли. Задали гону! А вскорости и Вязьму отбили. Так и отвоевался.

— А я войны не видела, бомбежек не знала,— заговорила Горчакова.— Жили мы тогда за Пензой, фронт далеко. Я девчушкой была. Помню только нужду, бедность да похоронки. Все мечтала: вот бы хлебушка вволю... Оттого, может, и в агрономы подалась...

Плахов слушал эти признания и думал о том, что у каждого из них остались свои зарубки, свои отметины. Ему, например, врезался в память мглистый, заиндевелый Урал, копоть заводских труб, рабочие смены от темна до темна, без отпусков и выходных дней. Некогда было передохнуть, постирать бельишко, починить свою военпредовскую шинель. Едва доберешься до койки — и уже спишь. И сухие, восковые лица рабочих, их воспаленные взгляды и голодные глаза мальчишек из ремесленного — недоедали все, но особой болью отзывались в сознании эти неспокойные, бегающие глаза ребятишек...

Да, у каждого свои рубцы, свои горести, а судьба на всех одна. Особо в годину испытаний остро сознаешь свою принадлежность к народу, свою кровную сопричастность событиям. В такую пору нельзя одному, надо держаться своего роду-племени, обороняться в общем строю...

— Спасибо вам за все,— наконец заговорил он.— Нам пора и ехать. Нужно прощаться.

— Как прощаться? — удивилась Горчакова.— Почему такая спешка? Или что не понравилось? А я-то прикидываю, куда вас определить. Остались бы...

— Не можем. Надо успеть на трассу да еще в городе побывать.

— Что ж, счастливо добраться.

Она разомкнула сплетенные пальцы, поднялась, проводила гостей до крыльца.

Неожиданно Ася приникла к ней и чмокнула в щеку.

— Во-о! Это по-нашему, по-свойски,— одобрительно крякнул Капитоныч.

Плахов развернул «Жигули», протяжно просигналил на прощание и направил машину в распахнутые ворота. Минут через двадцать пришлось включить фары.

Чернели на обочине густые сплетения леса, просвечивало сквозь гнутые коряги и ветки сиреневое небо. Путаные заросли таили в себе смутную угрозу, от них веяло болотным холодом, разило чем-то злым и недобрым, будто и сейчас еще среди комлей и кочек засели, карауля друг дружку, солдаты враждующих армий.

Ася придвинулась к отцу, прижалась к нему, невольно понижая голос, виновато призналась:

— Такое гадкое чувство, будто целятся в тебя. Мерзко, как лягушку подкинули...

— Отцелились,— успокоил ее Плахов, не отрывая взгляда от дороги.— Дорвались вон куда, а не прошли. Как говорили предки, кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет...

Вскоре миновали расположенный на высоком холме районный центр. Его темные, четко выписанные макушки садов и крыш словно подпирали шелковистый закат.

Старый, ветхий городок... Его кручи и промоины помнили века, видели историю, знавали всякие времена. Вероятно, тогда он был грозной, могучей крепостью, умел постоять за себя — столетиями здешние края находились в гуще страстей и борений... И ребята с девчонками из этого городка — они торчали на пустынной трассе, ослепленные светом автомобиля, вереницей выстроились на обочине,— что их сюда влечет, чего они ждут?

...А моряки были постарше...

...Наши рубцы и раны... Сколько лет бинтуем, перевязываем их, а они все ноют...

— Ой, смотри, заяц! — обрадовалась Ася.

Плахов притормозил. Они завороженно следили за тем, как неспешно перебирал ногами, вальяжно пересекал дорогу, белея хвостом, лопоухий русак.

— Какой смешной...

И снова серой лентой поднималась из глубины, летела на свет лучей дорога, медленно остывало впереди лиловое небо. Покачивались по сторонам сонные, поглощенные темнотой поля, бежала навстречу обширная, без конца и без края, земля.

Б. Неменский. Род. 1922. СТИХИ. 1972.

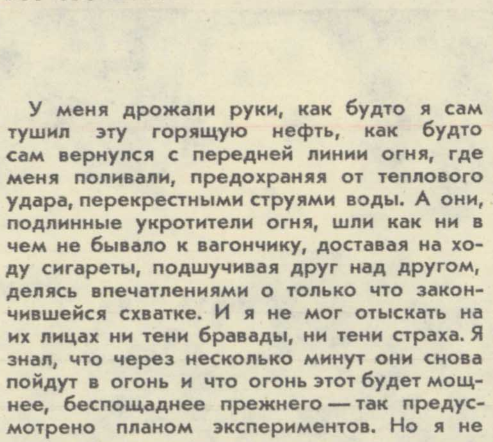

В. Рыжих. Род. 1933. МУЗЫКА. 1975.

СИЛЬНЕЕ ОГНЯ

Ю. ЛУШИН

У меня дрожали руки, как будто я сам тушил эту горящую нефть, как будто сам вернулся с передней линии огня, где меня поливали, предохраняя от теплового удара, перекрестными струями воды. А они, подлинные укротители огня, шли как ни в чем не бывало к вагончику, доставая на ходу сигареты, подшучивая друг над другом, делясь впечатлениями о только что закончившейся схватке. И я не мог отыскать на их лицах ни тени бравады, ни тени страха. Я знал, что через несколько минут они снова пойдут в огонь и что огонь этот будет мощнее, беспощаднее прежнего — так предусмотрено планом экспериментов. Но я не мог, даже призвав на помощь все свое воображение, представить пожар еще большей силы, нежели тот, который видел только что...

Шел дождь. И кажется, начался он в тот самый момент, когда бросили к устью скважины горящий факел. Пламя его, колеблемое ветром, едва потрескивало и казалось слабым, безобидным. А тут еще дождь. Но через какую-то секунду или даже долю секунды все внезапно изменилось. Из устья скважины с бешеной силой вырвалась черная струя нефти. Почти одновременно с этим раздался слабый хлопок, наподобие детской хлопушки, и черный фонтан полыхнул пламенем аж до самого неба. Горела уже не одна, а целый куст — три или четыре скважины, половина из которых выбрасывала не монолитную, а распыленную струю нефти. Я узнал после, что такой фонтан затушить много сложнее. Гигантский черный гриб дыма тянулся к низким облакам. Пламя, клубясь и завывая, уносилось вверх и пропадало в этой черноте. Ему не страшен был не только мелкий дождичек, но и самый сильный ливень, лей он даже не один день подряд. Не отрываясь, смотрел я на огонь, который с каждой минутой становился все более неподвластным человеку, смотрел и не понимал, как можно покорить эту необузданную стихию. И тут в пламя двинулись пожарные. Издали в своих отсвечивающих серебром фантастических костюмах они казались близнецами-роботами. Можно было только гадать, что они испытывают там, у самого пекла, если в сорока метрах от пламени незащищенные участки кожи едва выдерживали жар. Я видел, как водой из полутора десятков стволов пытались они сбить пламя со скважин, как их самих тоже поливали, но все усилия были пока тщетны, огонь не сдавался. Тогда в дело вступили реактивные установки газо-водяного тушения. Ураганные струи газа вырывались из сопел, грозя все смести на своем пути. Казалось, ничто не устоит перед их напором, но пламя только качнулось, пригнулось к земле, чтобы тут же оттолкнуться от нее, снова взметнуться высоко вверх, затрещать еще яростнее. Однако то был последний вздох огня, в следующую минуту мощные струи газа и воды оторвали пламя от скважин и отбросили его прочь. Сила силу одолела.

Стало тихо, только журчал ручеек воды, по которой радужными пятнами расплывались остатки нефти, теперь неопасной. Все кончилось как-то неправдоподобно быстро.

— Сколько времени заняла вся операция? — обратился я с вопросом к руководителям испытаний Анатолию Викторовичу Смоленскому, начальнику управления пожарной охраны Тюменской области, и к Игорю Фатеевичу Кимстачу, начальнику отдела Главного управления пожарной охраны МВД СССР.

— Меньше пяти минут в общей сложности,— ответил Кимстач.

— Причем суммарный дебит скважин достигал трех тысяч тонн нефти,— добавил Смоленский.

— Каким будет следующий опыт?

— То же самое, только дебит увеличим до пяти тысяч...

— А если не сумеете затушить?

— Ну что же, отрицательный результат тоже результат, как говорят ученые. Перекроем задвижки и начнем сначала. Опытный пожарный полигон ведь и создан для того, чтобы узнать, что мы можем и чего не можем,— пояснил Смоленский.

— Кстати, такой полигон создан в стране впервые,— сказал Кимстач,— и на нем будет отрабатываться целый комплекс проблем. Вы знаете, конечно, что в болотистых условиях Тюмени широко применяется кустовой метод бурения скважин, то есть с одного места наклонно бурятся четыре, восемь, десять и более скважин. До какой степени целесообразно увеличивать их количество в кусте? Этот вопрос задают себе и нефтяники и мы, пожарные, обеспечивающие безопасность промыслов. Представьте себе, что одна из скважин в кусте потребовала ремонта, при котором на ней возник пожар. Перебросится ли он на другие скважины? Можно ли при ремонте эксплуатировать остальные скважины или необходимо отключать весь куст? Эти ситуации должны моделироваться на нашем полигоне. Тут будут испытываться средства тушения, отрабатываться тактические приемы борьбы с огнем, разрабатываться меры по снижению пожарной опасности куста скважин и созданию условий для быстрой ликвидации аварий, здесь будут набираться опыта пожарные.

— Кто участвует в этих экспериментах?

— Лучшие силы пожарных из Сургута, Надыма, Тюмени и Нижневартовска. Кроме того, сюда приехали ученые из шести научно-исследовательских институтов и организаций, а также представители управлений пожарной охраны четырнадцати республик и областей. Тюменский завод по ремонту оборудования приборов нефтедобывающей промышленности «Электрон» предложил, например, интересную новинку — клапан-отсекатель, который ставится в скважине на глубине около двадцати метров и автоматически перекрывает ее в случае пожара или аварии. Его может привести в действие также оператор с пульта управления...

— Но тогда пожарные останутся без работы?

— Хорошо бы, но существует еще опасность выбросов — открытых нефтяных и газовых фонтанов при разведочном, как правило, бурении, а также еще масса других случайностей, которые могут привести к пожару. Значит, важен комплексный подход к проблеме.

Наступала очередь следующего опыта. Пожарные уже обливались водой. Я смотрел на них с удивлением, которое, возможно, было тут неуместным и явно им непонятным. Они готовились к обычной своей работе, а я их работу считал и буду считать делом героическим. Вот сейчас рванет в небо горящий фонтан нефти, и они пойдут на него с уверенностью, что непременно победят.

НА ПРОСТОРЕ

Дух интернациональный
Молодой —
Не заемный и не дальний,
С детства мой!

Этот эпиграф предпослал известный советский поэт Олег Шестинский своей новой книге стихов «Будь Садовником Земли». В ней остается он верен темам интернационализма и опаленного войной детства, которые можно назвать определяющими в его творчестве.

Поэта волнует многое, что происходит в мире. Он обостренно чувствует связь времен, сознавая неотделимость настоящего от прошлого.

Открывает сборник поэма «Хлеб наш насущный», где автор говорит о хлебе как о мере всего на земле.

Знаменательно, что посвящена поэма Василию Тимофеевичу Христенко, первому секретарю Шипуновского райкома Алтая, Герою Социалистического Труда. Он же и главный ее герой.

Тот, кого хотя бы коснулось зловещее дыхание минувшей войны, не может забыть ее жертв, особенно погибших детей.

Трагичны строфы, в которых создает Шестинский картину военной поры.

От Кобоны, раскаленной
жаром детских мук,
шел землей непокоренной
эшелон на юг...

«Тысяча семьсот их было, прибыло семьсот...» Тысяча детей погибла от голода. Вот откуда черпает поэт высокую благодарность тем, кто растит хлеб, и вот что питает его яростный гнев по отношению к нежелающим знать истинную ему цену.

Взволнованно обращается Олег Шестинский к современнику в поэме, давшей название всему сборнику:

Будь Садовником Земли,
сотвори простое чудо,—
для всего честно́го люда
поле заступом взрыхли!

Призывает он каждого, ибо благородный труд объединяет людей. Лишь общим усилием всего человечества возможно достичь на земле счастья.

Завершает первый раздел сборника «Баллада о матери». О той из тысяч, которые не дождались своих сыновей с дорог войны.

Повторяла мать себе самой,
наугад бредя в декабрьском мраке:
— Верю сердцу я, а не бумаге...
Возврати, господь, его домой!..

Это очень печальная и светлая баллада. Она тревожит и заставляет сжиматься сердце от жалости и боли. Ведь их «все меньше остается, меньше в избах или в городских домах, в черных шалях седовласых женщин, вечерами плачущих впотьмах».

В разделе лирики нет единой темы, связующей все стихотворения. Но в каждом из них слышится биение сердца поэта. Интересны стихи, которые можно воспринять как непосредственный отклик души на свершившееся событие, например, «Плыву по Амазонке...», или хороший и большой цикл «Испания всегда в сердце».

Не оставят равнодушными стихи «Матери» и «Матери в день рождения 14 мая» с их горьким чувством вины; лирические раздумья о дружбе: «Порою жизнь пройдет, а не докажешь ты другу, что надежным другом был»; стихи о любви: «милая Таня из Бежецка, как из эпохи другой».

Словом, есть много хороших стихов в этом едином по мысли и таком разнообразном сборнике.

С. ВОРОНИН

Олег Шестинский. Будь Садовником Земли. Стихи и поэмы. М., «Современник», 1975, 96 стр.

Юр. ЗУБКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

МНОГООБРАЗИЕ ПОИСКОВ

Множество человеческих судеб пересекается в спектакле Таллинского академического театра имени В. Кингисеппа «Сплавщики» Т. Паккала — судеб, взятых в непосредственном соприкосновении с природой и несущих на себе отпечаток ее могущества. Пожалуй, самой символической в постановке главного режиссера театра В. Пансо является судьба сплавщика Толари. Позже других пробуждается он к активной, эмоциональной, насыщенной деятельности. Но все же пробуждается. И актер Е. Коппель делает для нас процесс этого пробуждения зримым, захватывающе интересным. Любовь, которая приходит к герою с таким опозданием, становится глубокой, сильной и поэтичной.

Нет, он вовсе не бесспорен и не безупречен, этот спектакль. Его создателей можно упрекнуть в некоторой сглаженности социальных конфликтов. Действие пьесы происходит задолго до революции, но постановка так и не проясняет, кто же он, хозяин хутора Питола (А. Орав),— прижимистый кулак, которому не очень везет, или «свой брат», такой же, как все остальные, сплавщик, пытающийся обеспечить себе и дочери по возможности безбедное существование.

Можно спорить с чересчур прямолинейной трактовкой образа Казюри (Т. Хансшмидт): за внешней елейностью этого человека угадывается с первых же шагов существо пакостное, сластолюбивое, жадное. Почему же так долго не могут разгадать его сплавщики, люди нравственно здоровые, чуждые сентиментальности и приторности?.. Побольше силы духа, крепости характера хотелось бы видеть в Туркке (Р. Коткас): ведь именно таких людей, сильных, способных вести за собой остальных, делала жизнь главными выразителями и защитниками общих интересов.

Словом, поспорить есть о чем, и театру есть над чем подумать. И все же хочется прежде всего отметить в этом спектакле его народность, поэзию труда. Глядя на сплавщиков, угадывая самозабвенную увлеченность их своим делом, невольно вспоминаешь эпическую картину трудового размаха в горьковском «Фоме Гордееве». Спектакль гуманистичен. Глубоко и сильно раскрывает он живые чувства души, внутреннюю общность сплавщиков. И мне хотелось бы особо подчеркнуть эпичность, как самую сильную сторону режиссерского поиска В. Пансо.

Я далек от стремления изобразить нынешний день Театра имени В. Кингисеппа безоблачным и безмятежным; по крайней мере другой спектакль этого коллектива, «Прошлым летом в Чулимске», поставленный молодым режиссером Р. Трассом, заставляет всерьез тревожиться о содержательности и глубине мысли этого спектакля. Герои драмы А. Вампилова не обретают здесь главного — новых нравственных качеств.

С людьми труда, нашими современниками знакомит спектакль Русского драматического театра Эстонской ССР «Сталевары». Впрочем, он тоже не бесспорен. Режиссер В. Черменев, я сказал бы, несколько выпрямляет конфликт пьесы Г. Бокарева. В трактовке театра Виктор Лагутин становится самой передовой, самой прогрессивной фигурой... Театр словно бы не замечает некоторой душевной сухости героя, эгоцентризма, излишнего рационализма. На роль Лагутина режиссер назначил актера Ю. Орлова — большого обаяния, глубоко эмоциональной силы, а парням и девушкам, окружающим в спектакле Лагутина, явно недостает интеллекта, внутренней содержательности да просто умения вести себя: перед нами этакие лихие ребята и девчонки...

В пьесе образ Лагутина выписан значительно сложнее, противоречивее. Связывая категорию нравственности с высокопроизводительным трудом на благо общества, с сознательной трудовой дисциплиной, Лагутин в то же время не умеет работать с людьми, не понимает и недооценивает силы влияния коллектива: ему недостает партийности. В пьесе нравственная победа остается в конечном счете за коллективом. Пока Лагутин дуется на своих товарищей, как мышь на крупу, они разгадывают в его порой нелепых поступках благородный смысл, патриотическую направленность. В спектакле же Лагутин так и лидирует до самого финала.

Но все равно этим спектаклем Русский театр в Таллине вторгается в обсуждение драматургами и театром производственной темы — одной из самых существенных и важных на сегодняшней афише. И слово театра, его аргументы в этом споре не легковесны. Через весь спектакль проходит образ огня, полыхающего в сталеплавильных печах (художник В. Пейль). Образ огня живет в спектакле В. Черменева как образ живительной, очистительной силы, уничтожающей всяческую скверну в жизни, в человеческой душе.

Другой ведущей теме современности, интернациональной, посвящен спектакль Русского театра «По ком звонит колокол» (инсценировка и постановка В. Черменева).

Впрочем, инсценировка—это, на мой взгляд, не совсем точно сказано. То, что поставил режиссер и сыграл театр, скорее спектакль по мотивам. Из огромного по содержанию романа Э. Хемингуэя театр отобрал немногое. Но зато самое главное, связанное с непреклонной решимостью героев преградить дорогу фашизму.

В. Черменев создал спектакль высокого эмоционального накала, утверждающий бессмертие тех, кто первым принял на себя удар фашизма. Скульптурная группа героев, погибших в бою, но не ставших на колени, естественно возникает в финале, как бы вырастая из всего, что произошло здесь на наших глазах.

Сквозь весь спектакль проходит тема любви Роберта Джордана (Ю. Орлов) и Марии (М. Великанова). Они очень разные — мужественный, сильный, решительный Роберт и хрупкая, ранимая Мария. Но и она душевно крепнет, соприкасаясь с величием идеи, которой посвятил себя любимый...

Есть в спектакле тема «пятой колонны» внутри самого человека и тема ее преодоления. Она связана с образом Пабло (Р. Арен), едва не ставшего предателем, потерявшего на время перспективу борьбы. Но мы внутренне верим в Пабло до конца, несмотря ни на что, ибо спектакль образно развивает мысль о гуманизме революции. Были, казалось, все основания казнить Пабло, и все же товарищи, сохранив ему жизнь, сохранили в нем и борца. В финале мы видим Пабло в общей цепи, идущей на прорыв...

«Сталевары».

«Процесс».

Фото Г. Вайдла.

«Сплавщики»

Спектакль обжигает острой и страстной политической мыслью, силой оптимизма, рождаемого убежденностью героев в конечном поражении фашизма. Именно эта мысль, ее величие и благородство позволили режиссеру сплотить актеров в едином сценическом ансамбле... В нем трудно кого-либо выделить, но было бы несправедливо не назвать работу А. Бедрединовой в роли Пилар, олицетворяющей опять-таки совесть сражающегося отряда.

И еще один антифашистский спектакль довелось мне увидеть в Таллине. Это «Процесс» в Театре юного зрителя (здесь его называют еще Молодежным театром). Постановщик «Процесса» К. Комиссаров, художник Т. Вирве, композитор Р. Раннап, как и занятые в спектакле актеры, действуют в едином направлении, используя стилистику брехтовского театра: зонги, пляску, пантомиму... Они создают произведение, которое не просто напоминает о преступлениях фашизма, а поистине стучится в наши сердца. И особенно в сердца молодых зрителей, заполняющих зал театра.

Начинается действие. Сцену отделяет от зрительного зала решетка; в самой глубине — голая каменная кладка. На ней надпись: «Мы защищали Сталинград и дошли до Берлина». На грязном полу валяются обрывки газет, мусор, детские куклы... Звучит дробь барабана...

Все содержание спектакля — процесс над фашистскими преступниками. Обвиняемые не признают своей вины... Один из адвокатов отрицает компетентность суда. Часть публики считает дело устаревшим — это вызывает язвительную иронию Комментатора. Он зло смеется и над самими фашистскими палачами, с издевкой замечая, что в частной жизни они были даже приятными людьми... Свидетели шаг за шагом обличают палачей... И вот обвиняемые повисают на решетке: они пригвождены... А затем вся решетка оказывается обвешанной куклами: символ растоптанного, истребленного детства. Это, говорит театр,— самое страшное преступление фашизма. Дети рождаются не для того, чтобы быть убитыми...

Спектакль воспринимается как коллективное творчество театра. И лишь одного актера хотелось бы мне здесь назвать: это Л. Небель, исполняющий роль Комментатора,— он словно концентрирует в своей роли гневный, обвинительный пафос постановки...

Среди спектаклей таллинской афиши следует отметить и две комедии: «Слон» А. Копкова в Русском театре и идущую в Ракверском театре «Римскую баню» С. Стратиева.

Комедия А. Копкова решена В. Черменевым в стиле плаката. Здесь, пожалуй, и не надо искать подтекстов, нюансов, тонких психологических переходов. В спектакле сосуществуют две сферы: оголтелого стяжательства, неуемной жадности и болтливой праздности, которая, впрочем, тоже не отказалась бы от «задарма» доставшегося куша.

Гурьяна Гурьяновича Мочалкина, который случайно обрел слиток чистого золота в виде слона, Л. Шевцов играет человеком одержимым: он лучше погибнет, разобьется во время перелета из волжского села в Америку на воздушном шаре, чем расстанется со своим богатством... Этакий сгусток приобретательства, квинтэссенция частнособственнической психологии...

Но театр смеется не только над хапугой, а еще и над возглавляющим колхоз Курицыным (А. Захаров) и его окружением,— бездельниками, которые лишь песни поют да с плакатами ходят, палец о палец не ударяя ради общего дела. В. Черменев ввел в спектакль знаменитые частушки времен гражданской войны: «Ах, куда ты, паренек, ах, куда ты?..»,— зло высмеивающие «ротозеев», способных разорить колхоз.

Спектакль Ракверского театра «Римская баня» (режиссер М. Меринг) направлен против равнодушия к человеку, бичует спекуляцию на научных изысканиях. В доме Ивана Антонова во время его отпуска велись раскопки. Обнаружена римская баня! И теперь ловкие дельцы норовят погреть руки на этой «бане»...

Уровень актерского исполнения различен в спектаклях... Из участников «Римской бани» хочется отметить лишь яркую игру Т. Карка в роли спасателя Георгиева, хотя режиссерски оба спектакля решены изобретательно, остроумно.

* * *

Разумеется, по нескольким спектаклям нельзя исчерпывающе судить о театральной жизни Таллина. Но и они позволяют видеть, что мастера таллинской сцены верно понимают общественное назначение своего искусства. А это открывает перед ними неограниченный простор для новых творческих поисков.

Таллин — Москва.

Нат. БУМАГИНА

СКАЗИТЕЛЬНИ

Лесной поселок Гирвас. Мы сидим у печки в доме Анисьи Васильевны Ватчиевой, старейшей карельской сказительницы; недавно ей исполнилось девяносто лет. Опрятная, ухоженная, держится прямо, взгляд изучающий, даже строгий, пушистые седые волосы собраны в пучок, укрыты платком. Дома тихо. Все домашние ушли по делам.

— Пожалуйста, спойте что-нибудь старинное,— прошу я.

— Не стало у меня голосу. Ну, да уж если просишь, слушай. Тебе громко-то и не надо.

Старушка нагнулась к печке, поправила догорающие угли. Темное лицо ее осветилось, помолодело.

— Во лесах-то было во дремучих,
Ой, брала Маша грибы, грибы-ягоды
Маша брала...

Тихим, приятным голосом ведет она песню, потом другую. В них тоска-кручина либо — почти без перехода — веселый, бойкий ритм, хоть пляши:

Озеро широко,
Да белой рыбы много.
Ой, бела рыба щука,
Да белая белуга,
Ой, белая, белая,
Да девица милая,
Девица милая,
Да радость дорогая...

Край карельский всегда был заповедником народного творчества. Песни, руны, причитания записаны здесь во множестве. Ирина Федосова, знаменитая песенница,— уроженка здешних мест. Молодой Горький, пораженный этим искусством, посвятил ей очерк «Вопленица» и затем не раз возвращался к ее образу. Но все это было давно.

А сейчас старая женщина начинает рассказ о бесконечно простой и суровой своей жизни.

Деревня Сопоха, что недалеко от Кондопоги, среди леса, воды и камня — родина Ватчиевой; отец ее — рыбак и охотник. Бегала с подружками по грибы, по ягоды. Лет с пяти нянчила братьев и сестер,— а их было двенадцать. Помогала родителям рыбачить. Летом полевые работы, а зимой-то, бывало, мережу выбираешь, пальцы занемеют...

— Очень я в школу просилась, когда она открылась у нас. Всего одну осень побегала. На том и кончилось учение. Сиди возле зыбки, отец говорит. Петь научилась от мамы. Ей хоть и тяжело было с малыми ребятами, она пела везде: в поле, на лугу, на игрищах... На свадьбы и на похороны ее звали.

...Я слушаю «Плач матери при отправке сына в солдаты» Ватчиевой. Его можно сравнить со старинными рекрутскими плачами. Провожая сына в армию, мать просит его сходить в кузницу, сковать четыре обруча железных и четыре замка:

Затяни-тко свое ретивое сердеченько
На четыре годика обручами железными,
Ты замкни, замкни вольну волюшку
На четыре замка молодецкую.

В годы Отечественной войны опять возродился этот совсем было позабытый жанр. Рас-

ПОБЕДИТЕЛИ ФОТОКОНКУРСА «ОГОНЕК-75»

Редакционная коллегия журнала «Огонек» подвела итоги фотоконкурса «Огонек-75» и присудила его участникам следующие премии:

ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ:

А. РЯБКО и Ю. ПЕТШАКОВСКОМУ (Краснодар) за цветной репортаж «Мы работаем в небе» (№ 9, 1975 г.).

ВТОРЫЕ ПРЕМИИ:

В. МАТВЕЕВУ (Москва)— за цветную обложку «В осеннем лесу» (№ 41, 1975 г.).

Л. ГУРСКОМУ (Петропавловск-Камчатский)— за серию цветных фотографий на обложке (№ 4, 1976 г.).

ТРЕТЬИ ПРЕМИИ:

А. ГУБИНУ (Москва)— за цветную обложку «Утро в лесу» (№ 29, 1975 г.).

А. ЖЕЙЦУ (Москва) — за цветную обложку «Всей семьей» (№ 11, 1975 г.).

Редакция благодарит всех авторов, принявших участие в конкурсе, и поздравляет победителей. Редколлегия «Огонька» приглашает фотолюбителей и профессионалов к участию в фотоконкурсе «Огонек-76».

Выдающимся событием в жизни нашей страны явился XXV съезд КПСС. С трибуны съезда были поставлены грандиозные задачи коммунистического строительства на новом этапе — в десятой пятилетке. Мы ждем от участников конкурса фотографий, рассказывающих о наших современниках, о людях, идущих в авангарде всенародного социалистического соревнования, об их делах, жизни, учебе и отдыхе.

Пусть ваши фотографии расскажут на страницах журнала о красоте нашей Родины — ее природе и грандиозных свершениях советского человека.

Для победителей конкурса устанавливаются следующие премии:

одна первая — 500 рублей,
две вторых — по 250 рублей,
три третьих — по 150 рублей.

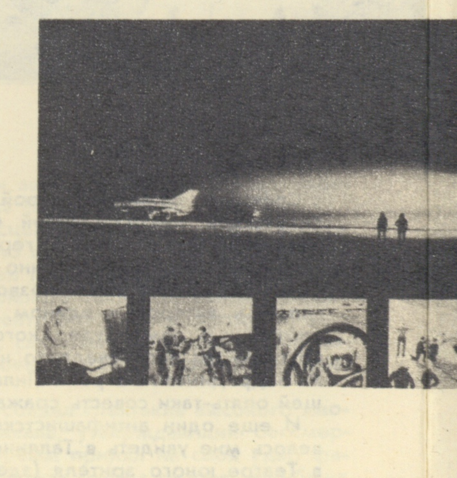
Фотографии цветные и черно-белые можно присылать любого размера, но не меньше 18×24 сантиметра. К присылаемым фотографиям необходимо дать название, фактическую подпись, дату съемки, указать свою фамилию, имя, отчество и свой адрес.

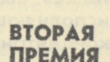
На конвертах пометьте: «Фотоконкурс».

Фотографии не рецензируются и не возвращаются.

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

ВТОРАЯ ПРЕМИЯ

...ИЦА

ставаясь с младшим сыном, уходившим на фронт, Анисья Васильевна пела:

Уж ты молодой да как рябинушка,
И зеленый да как травинушка,
Умом-разумом не насбиранный,
И есть плечушки да узешеньки,
И есть силушка да малешенька...

Через месяц он, восемнадцатилетний сын Ватчиевой, погиб...

В новых песнях-сказах тоже бьется большое сердце матери. Когда я попросила ее исполнить «Плач о Юрии Гагарине», она сказала, что «на голос» петь не сможет, а то расплачется, а будет просто рассказывать, как сказ. И все равно разволновалась, долго не могла успокоиться, сидела неподвижно...

Прибежала из школы первоклассница Наташа, внучка Анисьи Васильевны. Румяная, веселая роза, глаза горят от солнечного дня. Наташа приластилась к бабушке, скороговоркой выпалила последние новости:

— По русскому — «четыре», по математике — тоже, по чтению — «пять».

— Толковая девка,— говорит бабушка.— Сейчас в музыкальную школу поступила. Пианино ей из города выписали, скоро должны прислать...

— Анисья Васильевна,— спрашиваю я,— а кто станет героем ваших новых сказов?

— Сказ-то складывается не просто,— отвечает сказительница.— Это ведь сердце говорит.

Фото С. Майстермана (ТАСС)

ТРЕТЬЯ ПРЕМИЯ

Народные артисты СССР А. Борисов и Б. Фрейндлих в спектакле «Приглашение к жизни».

Фото Е. Шмарова.

театр

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЖИЗНИ

«Русский лес». Третье десятилетие пошло с того дня, как вышел роман Леонида Леонова, вызвавший огромный общественный и литературный резонанс. Не раз мы перечитывали его, смотрели на экранах кино, на сценах театров. И вот сейчас старейший Ленинградский академический театр драмы имени Пушкина поставил по роману спектакль «Приглашение к жизни».

Что же заставило театр обратиться к незабываемому произведению Леонова?

— Прежде всего,— рассказывает режиссер спектакля И. С. Ольшвангер,— актуальность, масштабность, жизненность проблем, поднятых писателем. Но не только это. Роман драматургичен, остроконфликтен, насыщен яркими, самобытными, пластически зримыми образами, дает большой простор для сценического воплощения.

Нас тронуло очень доброе внимание писателя к нашему театру, нашему стремлению инсценировать роман. Мы не раз встречались с Леонидом Максимовичем, чтобы вместе учесть все наиболее важное в книге. Ведь в романе несколько сот страниц, а спектакль рассчитан на два часа сорок минут...

В «Приглашении к жизни» заняты актеры разных поколений — прославленные мастера и молодежь. Для народного артиста СССР А. Ф. Борисова путь к роли профессора-лесовода Ивана Вихрова был органичен. За многие годы он создал целую галерею образов, его герои — люди чистые, мужественные, энтузиасты своего дела. В исполнении Борисова Иван Вихров — человек серьезный, принципиальный, широко, по-государственному мыслящий. Профессора Грацианского играет народный артист СССР Б. А. Фрейндлих. Накануне зрители видели этого неповторимого мастера в «Элегии» в роли И. С. Тургенева. А на другой день узнали его нового героя — Грацианского; характер мстительный, где-то озлобленный, прямо противоположный персонажу в «Элегии». Образы многозначные, разные, сыграны с высочайшим мастерством.

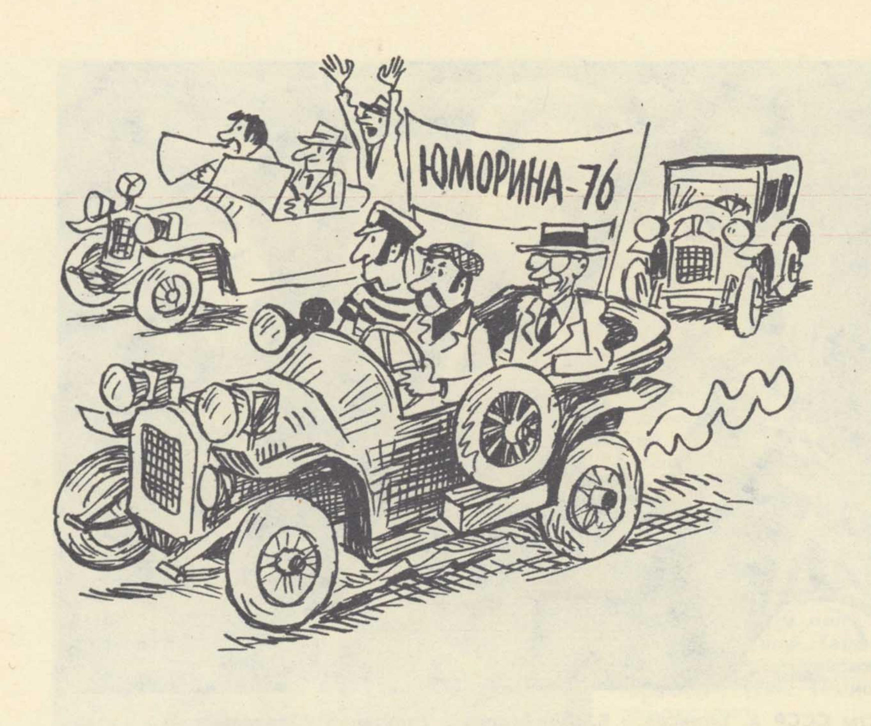
Назвав инсценировку «Приглашением к жизни», театр как бы подчеркивает тему вечного обновления, воплощаемую в спектакле Полей — дочерью Вихрова. Молодая актриса О. Калмыкова успешно справилась с первой большой своей ролью.

К. ЧЕРЕВКОВ

С № 18 ЖУРНАЛ «ОГОНЕК» НАЧИНАЕТ ПЕЧАТАТЬ ГЛАВЫ ИЗ ВТОРОЙ КНИГИ ИЗВЕСТНОГО РОМАНА АНАТОЛИЯ ИВАНОВА «ВЕЧНЫЙ ЗОВ».

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА П. ПИНКИСЕВИЧА.

Море тоже смеялось

Леонид ЛЕНЧ

Итак, весенний праздник смеха в Одессе — Юморина-76...

С чего начнем?

Пожалуй, по традиции надо начать с погоды, потому что какой же может быть весенний праздник смеха, вынесенный на улицы большого города, когда небо куксится и плачет холодными слезами полуснега, полудождя?

Здесь, в Одессе, все дни праздника погода стояла как по заказу. Солнце работало исправно от зари до зари. Оно не только выполняло, но и перевыполняло свой месячный план, нагревая апрельский воздух до 20° в тени. Однако жары не чувствовалось: с моря тянул легкий, свежий, очаровательный ветерок. И море, конечно, было прекрасным: голубое, синее, ультрамариновое, с сизоватым утренним туманцем над бухтой.

Одним словом, природа сделала все, чтобы праздник удался.

А люди? Сами одесситы?

Люди, и прежде всего работники отдела сатиры и юмора газеты «Вечерняя Одесса», сделали все, что от них зависело, чтобы отметить четырехлетие своей Юморины весело, изобретательно и элегантно.

Не все им удалось, не все получилось так, как было задумано. Но главное: весенний праздник смеха в Одессе заблистал красками истинно народного праздника. Самым заядлым скептикам было ясно, что именно Одесса должна была стать его родиной. И она ею стала! Первой в стране Одесса зажгла факел веселой весны!

...Идет традиционный автопробег автомобилей старых марок на приз «Антилопы-Гну». По улицам города катятся немыслимые «мерседесы» и «фиаты», «времен Очаковских и покоренья Крыма», их кузова расписаны юмористическими лозунгами, и это создает такое впечатление, будто машины только что вырвались из рук веселого татуировщика.

Александр Савельев, студент-дипломник института связи, испытанный болельщик Юморины, едет в головной «Волге», идущей следом за машиной ГАИ, и выкрикивает в микрофон лозунги:

«Водитель, помни, что пешеход быстро соображает, но медленно бегает!»

«Пешеход, зеленый свет — твой друг, береги зеленого друга!»

«Водитель и пешеход, будьте взаимно вежливы. Благодаря этому вы сможете стать долгожителями!»

Потом на стадионе была раздача призов.

Жюри присудило приз и Александру Савельеву. И сейчас же получило ответный подарок: ощипанного гуся, того самого, за которым гнался некто Паниковский из романа «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. К слову сказать, карнавальные представления на улице имени Ильфа и Петрова, поставленные по мотивам их произведений режиссером В. Бялецким, очень удались.

...На пляже проходил праздник Нептуна. Прелестные одесские «моржихи» в ярких купальниках и степенные «моржи» на глазах многочисленной публики долго плескались в холодном море, отмечая «закрытие сезона».

...В концертных залах города, во дворцах культуры и рабочих клубах, в Доме ученых выступали артисты и литераторы из веселого цеха, демонстрировались последние выпуски «Фитиля». Мне особенно понравилось театрализованное представление во Дворце студента по «Голубой книге» М. Зощенко. Его поставил молодой режиссер Одесской филармонии Олег Сташкевич, поставил умно, тактично, со вкусом. Хорош был и капустник в Доме актера, разыгранный артистами Одесского театра музыкальной комедии во главе с блистательным Михаилом Водяным.

В прошлом году в Габрове, на X всеболгарском фестивале сатиры и юмора, мы с друзьями-болгарами много говорили о том, что хорошо бы открыть «смехопровод» Габрово—Одесса. Можно считать, что открытие его состоялось, и делегация болгарского радио во главе с писательницей Катей Воденичаровой это событие зарегистрировала на месте, в Одессе.

Сейчас одесситы уже размышляют о том, как бы еще лучше, еще организованней и целеустремленней провести праздник смеха в 1977 году. Я уверен в том, что удача будет сопутствовать им.

...В ресторане гостиницы сидевший со мной вместе за столиком пожилой одессит из бессмертной породы «пикейных жилетов» спросил меня, подмигнув по-свойски:

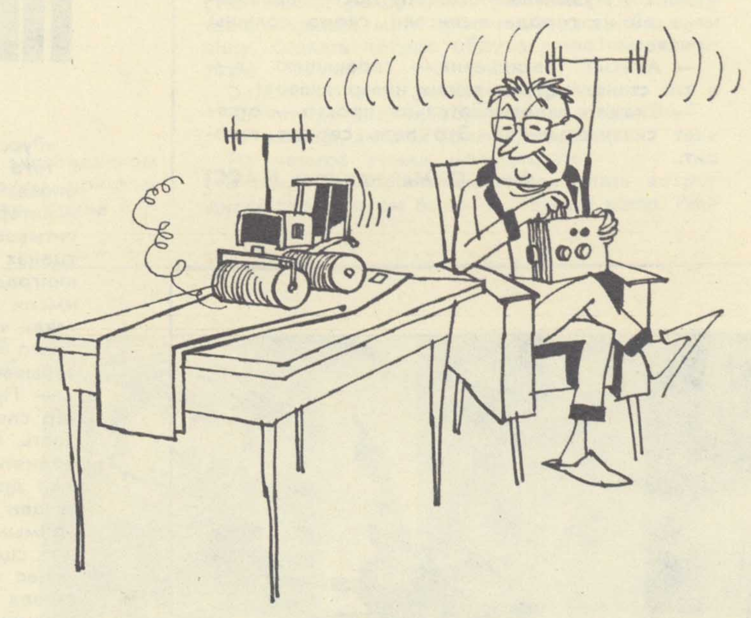
— Скажите, а как на все это реагировало энское море, на берегу которого, как вы знаете, стоит славный город Черноморск?

Я ответил ему словами А. М. Горького:

— Море смеялось. Точнее, море тоже смеялось!

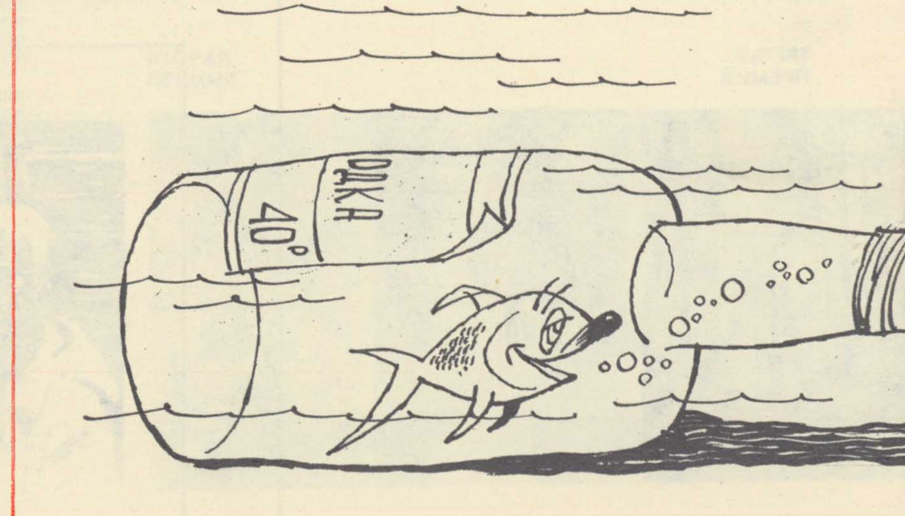
Весенний хоккей.

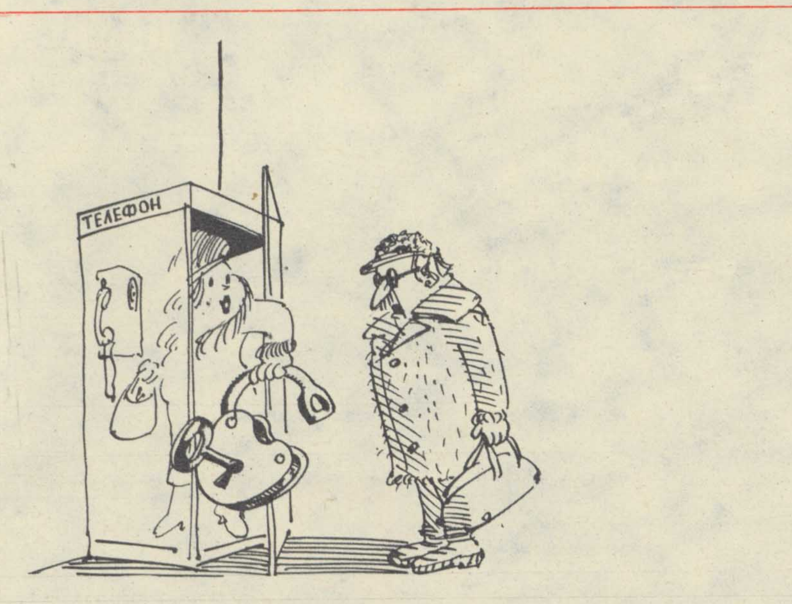

Без слов.

Рисунки Б. Боссарта.

— Немедленно вылезай, пьяница несчастный!

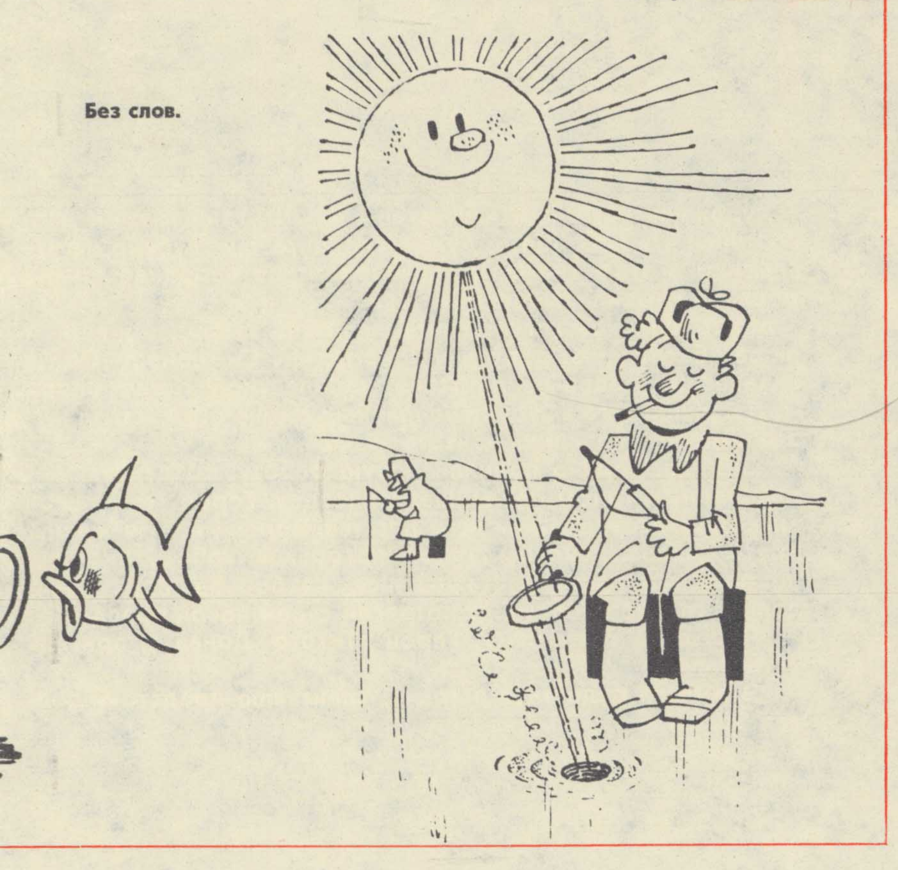
— Закрой меня, я с подругами поболтаю.

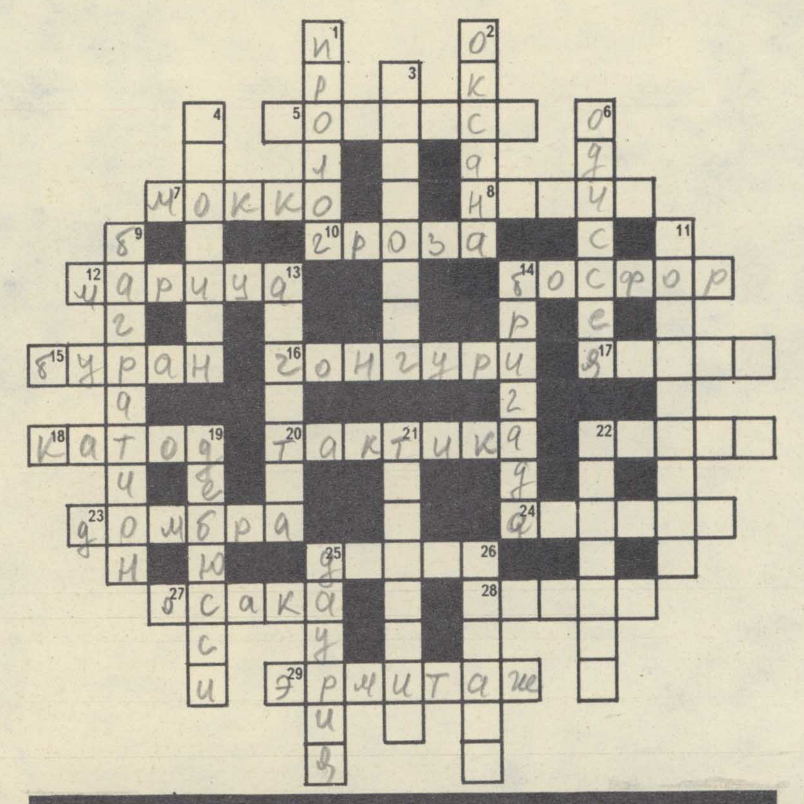
Рисунки В. Воеводина.

— И здесь побывали туристы.
Рисунок Н. Елина.

Без слов.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Орнаментальный мотив. 7. Сорт кофе. 8. Римский историк. 10. Пьеса А. Н. Островского. 12. Оперетта И. Кальмана. 14. Пролив между Европой и Азией. 15. Сильная метель, вьюга. 16. Грузинский народный танец. 17. Приток Дуная. 18. Электронная лампа. 20. Искусство подготовки и ведения боя. 22. Персонаж повести И. С. Тургенева «Вешние воды». 23. Казахский щипковый инструмент. 24. Минерал синего цвета. 25. Наиболее яркая звезда в созвездии Лебедя. 27. Город в Японии. 28. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 29. Музей в Ленинграде.

По вертикали: 1. Вступление к литературному произведению. 2. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички». 3. Вид ивы. 4. Штат в США. 6. Древнегреческая поэма. 9. Русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года. 11. Цветок. 13. Ночная птица. 14. Небольшой производственный коллектив. 19. Французский композитор. 21. Химический элемент. 22. Часть колеса. 25. Роман К. Седых. 26. Предмет для гимнастических упражнений.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 5. Успенский. 9. Рассада. 11. Окарина. 12. Рустави. 13. Колье. 16. Тральщик. 17. Вольфрам. 18. Огнивцев. 20. Мармелад. 24. Кайра. 25. Яковлев. 27. Людмила. 28. «Анафема». 29. Дидактика.

По вертикали: 1. Истра. 2. Бейсбол. 3. Асфальт. 4. Динар. 6. Триоль. 7. Лосось. 8. Майданников. 10. Папирология. 14. Бисер. 15. Гопак. 19. Веялка, 21. Мундир. 22. Каравай. 23. Ариетта. 26. Вагиф. 27. Лайка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Бригадир колхоза «Беруинца», Унгенского района, Молдавской ССР, Герой Социалистического Труда Георгий Петрович Булубика.

Фото Б. Кузьмина.
(См. в номере материал В. Кабанова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Огненный эксперимент.

Фото Ю. Лушина.
(См. в номере материал «Сильнее огня»).

**Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

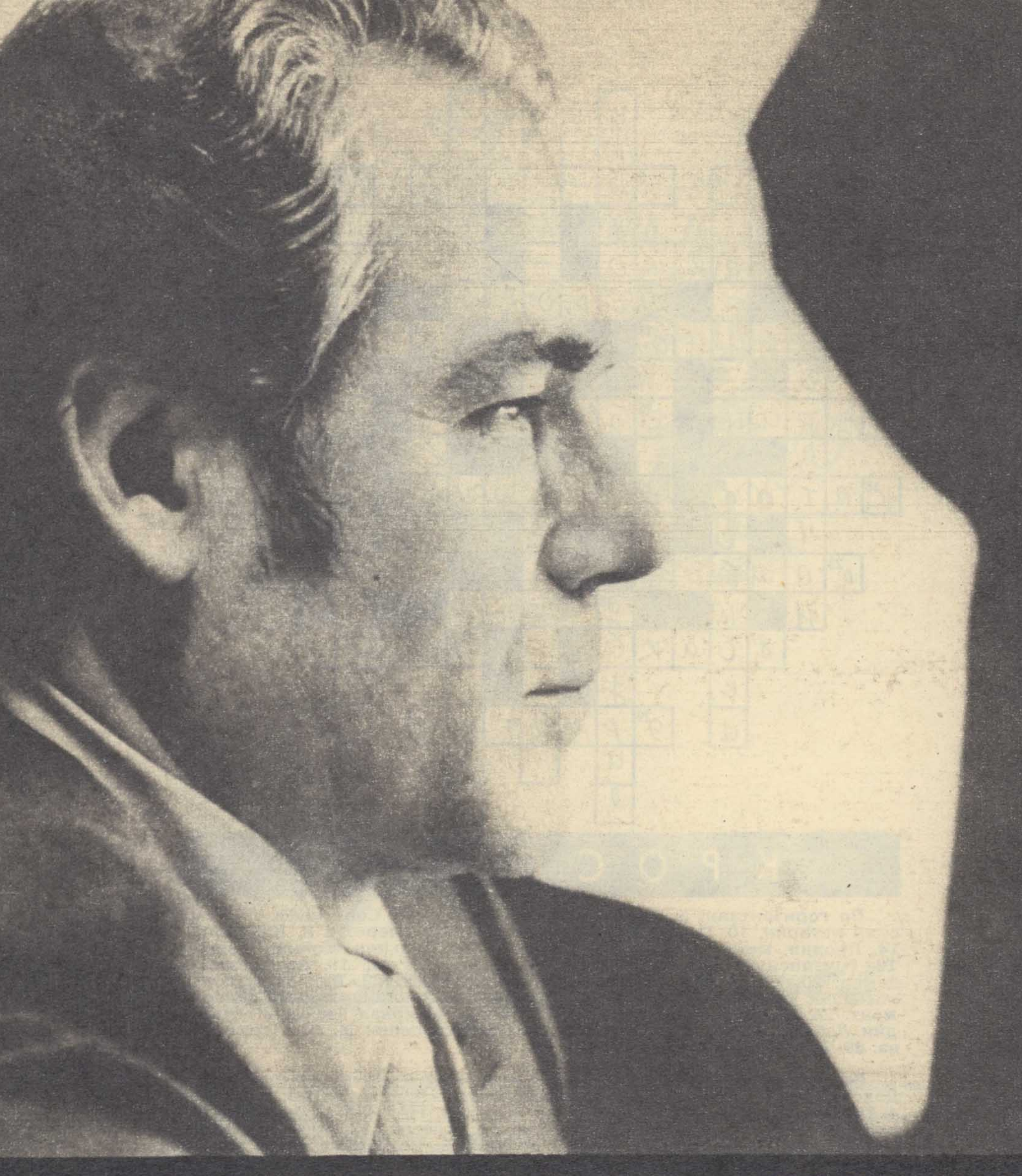
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/IV — 1976 г. А 00652. Подп. к печ. 20/IV — 1976 г. Формат 70×108[1]/[8]. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 755. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2061.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

М. ЯЦЕНКО

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

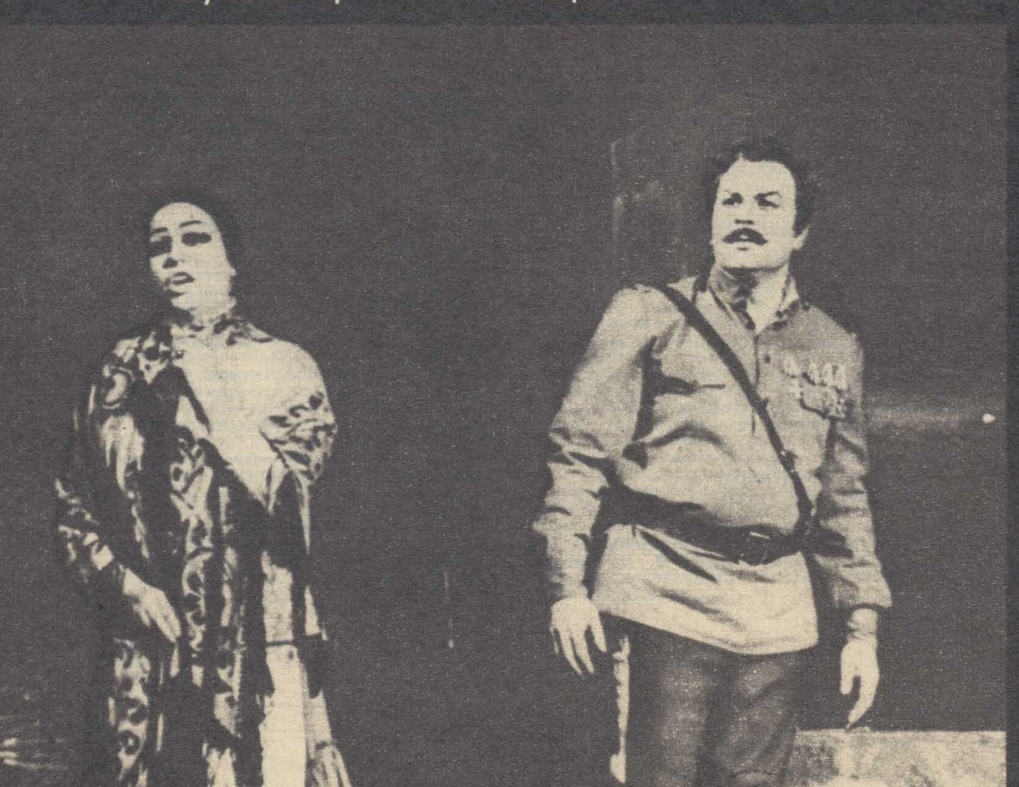
Режиссер-постановщик — народный артист СССР Д. Гнатюк.

Репетиции, волнения, споры, счастливые мгновения открытий — все осталось по ту сторону занавеса. По эту — зритель. Восторженно принять спектакль или остаться равнодушным — его святое право. Однако недаром на афише обозначены известнейшие имена народных артистов СССР, режиссера-постановщика Д. Гнатюка и дирижера-постановщика К. Симеонова.

Премьеру оперы И. Дзержинского «Тихий Дон» («Григорий Мелехов») публика ждала с большим нетерпением. Интерес этот был тем более оправданным, что появлению «Тихого Дона» в Киеве предшествовало еще одно, сравнительно недавнее событие музыкальной жизни, когда здесь же, на сцене Киевского академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко, была поставлена опера А. Бородина «Князь Игорь». Теперь Д. М. Гнатюку предстояло снова доказать, что крупный успех его режиссерского дебюта не являлся случайной удачей. И он блестяще справился со своей новой большой творческой задачей.

«ТИХИЙ ДОН»

Аксинья — народная артистка УССР Г. Туфтина; Григорий — заслуженный артист РСФСР Н. Киришев.

Художник убеждает искусством — Дмитрий Гнатюк давно понял эту истину. Но, думается, ничто так глубоко не утвердило в этом Гнатюка, как необъятная народная стихия образов Михаила Шолохова.

Мощь шолоховского таланта, его боль за людей и вера в людей бесконечно дороги и Константину Симеонову. Еще в начале 60-х годов он поставил на киевской сцене оперу И. Дзержинского «Судьба человека»; он же осуществил музыкальную редакцию «Тихого Дона».

Зрители горячо приняли новую работу, созданную великолепным ансамблем шевченковцев. Герои спектакля, знакомые всем едва ли не с детства, обрели новую жизнь. Крутые изломы судьбы Григория, горькая любовь Аксиньи, непростые характеры станичников, их борьба вдруг увиделись словно впервые. И потрясли своей новой правдой.

Премьера состоялась. Герои «Тихого Дона» и зритель встретились.

Это была радостная встреча; спектаклю предстоит долгая жизнь.

Сцена из I действия.

◄ Дирижер-постановщик — народный артист СССР К. Симеонов.

Пантелей Мелехов — В. Гриненко, Христоня — В. Лосицкий. ►

Сцена из III действия.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663